

Власов В. Ф.

Волшебная флейта

В поисках 4-го измерения

18+

Владимир Власов
Волшебная флейта

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Власов В. Ф.

Волшебная флейта / В. Ф. Власов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман рассказывает о человеческой слепоте, а также, об остром зрении и тонком слухе, когда можно научиться видеть невидимое и слышать неслышимое. Герой произведения избавился от своей слепоты и обрёл счастье в любви с желанной женщиной, благодаря тому, что раскрыл в себе внутреннее зрение и своё истинное «Я». Он понял, что Высший Разум способен проникать в любое земное существо, даже в собаку. И нужно для этого лишь услышать небесные звуки своей Волшебной флейты.

© Власов В. Ф., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

От автора	6
Начало истории	8
Первый рассказ хозяина	10
Второй рассказ хозяина	37
Третий рассказ хозяина	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Als Prinzessin Nung-Yu die Flöte blies,
flog der Phonix heran.
Doch Lu Yun-tsching zog mit seinem Spiel
nur Ungeheuer an.

„Der Ruf der Phonixflöte,,
Dschou Tsching-yuen

Когда принцесса Нон Ю-цзи на флейте заиграет,
Неведомо откуда, к ней феникс прилетает.
Когда принц Лю Юнь-цин к своей флейте прикоснётся,
Неведомо откуда, чудовище берётся.

"Зов флейты феникса"
Чжоу Цин-юань

От автора

Впервые я услышал оперу Моцарта «Волшебная флейта» после того, как познакомился с этим псом, и думаю, что произошло это не случайно. Что бы там ни говорили, но я считаю, что общение с собакой духовно обогащает человека. Ведь ни одно животное в мире не вобрало в себя столько природных и человеческих качеств. Понимают ли собаки музыку? Я думаю, что они не только понимают музыку, но и всё то, что небеса спускают на нас сверху. И очень часто, являясь проводниками природных и мистических сил, они помогают нам выжить в очень сложных жизненных ситуациях. И недаром на границах нашей жизни, по древнеегипетским представлениям, стоит бог Анубис, а по древнегреческим – Цербер. Наверняка, уж они-то слышат звуки небесной волшебной флейты, льющихся к нам из самих глубин мироздания, так как являются, с одной стороны, хранителями этих границ, проявляя определённую жестокость в их защите, а с другой, остро чувствуя границу между добром и злом, отвечают нам такой преданностью и любовью на наше добро, что вряд ли мы найдём среди подобных природных существ друзей ближе к нам, чем они.

Когда я впервые увидел этого пса, то обратил внимание на то, как он переходил улицу. Обогнав меня, он остановился возле пешеходного перехода на тротуаре и сел на задние лапы.

Рядом с ним никого не было, машины ещё не начали движение, горел жёлтый свет светофора. Взгляд собаки был устремлён вперёд. Пёс ни на кого не смотрел, он следил за светофором. Подошли люди, я тоже остановился возле него. Машины прошли, и как только загорелся зелёный свет, он тут же, ни на кого не обращая внимания, побежал вперёд. «Какая умная собака!» – восхитился я, думая про себя. Я видел, что это бездомная собака, но выглядела она опрятно и вела себя очень достойно. И ещё я тогда подумал: «Вот бы иметь такую собаку».

Я затрудняюсь определить, какой масти и породы этот пёс. Возможно, что это была помесь немецкой овчарки с дворнягой. Отенок шерсти у него был желтоватый, ближе к рыжему. Огненная собака! Я сам был огненной собакой по восточному гороскопу, и всегда относился к собакам с любовью и пониманием, особенно к бездомным псам.

Мне стоило большого труда обратить на себя его внимание. Уж очень он был независимый и самостоятельный. По городу он всегда бегал, как бы показывая всем своим видом, что ни от кого не зависит. Но бегал всегда сосредоточенно и целенаправленно, как будто выполнял чьё-то поручение. Выходя на прогулку, я всегда прятал в кармане кусок ветчины, чтобы при возможной встрече скормить его ему. Долгое время он меня не замечал, или делал вид, что не видит, показывая всем своим видом своё превосходство. Однажды я заметил его в обществе женщины-инвалида, он помогал ей перейти улицу. В другой раз я обнаружил его в стае дерущихся собак. Он растаскивал их в разные стороны и этим предотвратил дальнейшую драку.

Как-то я сидел на лавочке в парке, и он сам подошёл ко мне и уселся рядом. Я настолько обрадовался, что забыл о кусочке ветчины, лежащем в моём кармане. Пёс сидел возле меня и смотрел куда-то в сторону. Я позвал его и спросил: «Хочешь пожить у меня»? Он посмотрел на меня своими умными глазами и положил голову на передние лапы. Мы несколько минут сидели молча. Затем я вспомнил о ветчине и, вынув её из кармана, дал ему. Пёс съел кусок с достоинством и посмотрел на меня с благодарностью. Чувствовалось, что он был голоден. После этого мы вместе отправились ко мне домой, и он стал жить у меня.

С первого же дня я понял, что между нами установилась тесная духовная связь. Пёс полюбил меня. Временами он ложился возле моих ног, когда я сидел в кресле, клал голову мне на колени и смотрел на меня умным пронизательным взглядом. Мы подолгу смотрели друг на друга, и я научился его понимать. Он общался со мной, его мысль проникала в мою голову. Впервые в жизни я научился говорить без слов и воспринимать чужие мысли без речи. У пса

был очень богатый жизненный опыт, и он мне рассказал столько интересных историй, что мне вряд ли хватит всей моей жизни, чтобы их передать.

Одну из таких историй о волшебной флейте, услышанную от него, я и решил записать с его слов, хотя он утверждал, что где-то уже сам записал её на компьютере. Но к этому я отнёсся несколько скептически. Слепого, о котором он мне рассказывал, я так и не нашёл, чтобы проверить подлинность его утверждения. Да и отыскать человека в таком большом городе, как наш, намного сложнее, чем найти бездомную собаку. Вот эта история.

Начало истории

Я – собака, просто собака, к тому же пёс, а не сука. Никто мне не давал имени, так уж случилось. Других собак окликают по именам, а мой хозяин звал меня просто «Собака». А я его – просто «Слепой» или «хозяин». Вот такая история. Как-то на прогулке я познакомился ещё с одной собакой, так её звали Диоген, она тоже была поводырём слепого по имени Гомер. Оба были придурками, и имена себе подобрали греческие, как будто не нашлось русских.

Так уж у нас повелось: как заведётся собака, так ей приставляют слепого, как заведётся слепой, ему дают собаку. Так и живут в паре всю жизнь. Слепые вообще без собаки пару шагов не сделают. Я не знаю, как другие собаки без слепых обходятся. А ведь есть такие. Эти слепые вообще чудачки. Оно и понятно, ничего не видят, так, хоть, фантазируют. Диоген мне порассказал такого, что глаза на лоб могут вылезти от удивления. Но я ему ни черта не поверил, не буду пересказывать его байки. Я – реалист, не верю в эти чудеса. С меня и моего хозяина хватает. Говорят, что все слепые с придурью. Слышал, что жила где-то в Болгарии ведьма слепая, так та предсказывала даже будущее. Плохо кончила, после смерти попы её обвинили в колдовстве и отлучили от церкви. В средние века её бы сожгли где-нибудь на площади при стечении множества народа. Вот было бы зрелище!

Хозяин Диогена тоже плохо кончил. Он по своей фантазии выбросился из окна. Это надо же такое представить, чтоб так забыться. Я иногда переживаю и за моего хозяина. Боюсь, что он может так же кончить. Признаюсь, что я жалею его, он всё же меня кормит, и потом частенько со мной разговаривает. Ему особенно-то и говорить не с кем. Правда, есть у него два приятеля, один длинный и худой, другой короткий и толстый, но они зрячие, и не мои хозяева. Так что я буду звать их в рассказах Длинный и Короткий. Странно, но у хозяина Диогена, тоже было два друга, правда и они плохо кончили. Это уж как поведётся в России. Где появится один, там непременно соберутся ещё два. Называется «святая троица». Поэтому часто соображают на троих. Но эти двое к хозяину заходят крайне редко, поэтому он больше общается со мной. Я, конечно, отвечать ему не могу, я же собака, но слушаю его внимательно. Это – Диоген хвастался мне, что научился говорить по-человечески, и даже общался с хозяином. Но я этого сам не слышал, и думаю, что он сочиняет. Но вот писать он не научился в отличие от меня. Ум короткий. Книгу ему помог написать посредник. Кто? – он мне не говорил. Наплёл про какого-то бога. Одним словом, чушь собачья. А я пишу эту книгу сам. Вот эти самые строки написаны мной лично. Вообще, собаки очень сообразительны, люди только этого не понимают, считают их по разуму ниже себя. Дело в том, что когда сын слепого жил с нами, то имел компьютер и пользовался им. Потом он уехал, а компьютер остался никому не нужным. Стоял и пылился в углу на столе в его комнате. Слепой-то о компьютере и забыл, да и зачем ему он. У него есть свои книги и магнитофонные записи.

Вначале я научился его включать и выключать. Затем разобрался с клавишами. Здесь особых мозгов не надо, дави на них когтями, и буквы сами появляются на экране. Так что эти записанные рассказы – моя личная заслуга. Можно сказать, что я стою выше на голову, чем Диоген.

Когда хозяин просыпается в хорошем настроении, то начинает мне рассказывать то, что с ним якобы случилось. Может быть, это ему приснилось, но он выдаёт это за реальные события. Если же просыпается в дурном настроении, то не разговаривает со мной, а просто лупит меня палкой. Делает он это как бы случайно. Треснет меня по хребтине, и извиняется. Говорит: «Ой, прости, дружок! Ты как-то выпал сегодня из моего поля зрения». Ну что тут скажешь про его зрение?! Слепой и есть слепой. Лизнёшь ушибленное место и отходишь от него подальше. Не кусать же мне его. Когда я научился работать с компьютером, то и начал эти записи. Как-то, он попросил меня принести тапочки. Я ему принёс, но он вставать не торопился. Вообще-то он –

лежебока, иногда целый день может проваляться в постели, даже забывает меня кормить, пока я сам не начинаю стаскивать его зубами с кровати. И на этот раз он начал свои лёжа-описания:

– Ну что дружок, всё дрыхнешь? Даже не представляешь, что сегодня со мной произошло.

Я попытаюсь излагать рассказы слепого в таком виде, в каком их воспринимаю, ведь мы, собаки, тоже видим сны, и у нас есть своё воображение.

Первый рассказ хозяина

Представляешь, всё произошло неожиданно, и походило на моё второе рождение. Вдруг я увидел в темноте человека. Ты же знаешь, что я ничего не вижу. А этот человек был реальностью в моей темноте. Он появился из ничего, как из сна. Вначале была маленькая белая точка, потом она разрослась до большого размера, сгустилась и приняла человеческую форму. Этот тип казался мне несколько странным. Он выглядел красавчиком атлетического сложения с накаченными бицепсами. Кроме того, он был блондином и имел пышные волосы. Он совсем не походил на меня. Так я думаю. Потому что когда я провожу рукой по голове, то ощущаю свой лысый череп. Но, представь, какое было моё удивление, когда он на полном серьёзе заявил мне, что он и есть я. А дело было так: Когда я его увидел, то очень удивился и спросил:

– Кто вы?

Он мне ответил:

– Я – это ты.

– Как так? – воскликнул я. – Почему это вы являетесь мной? Этого не может быть. Я есть я, а вы – это вы.

Он расхохотался.

– Вот умора! Ты уже начинаешь говорить сам с собой на «вы». Такого помешанного я ещё не видел.

В эту минуту я вдруг подумал, что, может быть, я, и в самом деле, помешанный.

– Никогда не говори о себе таких вещей, – предостерег меня красавчик, словно прочитав мои мысли.

– Но я не могу идентифицировать вас со мной, – запротестовал я.

– А зря, – заметил красавчик.

– Почему? – удивился я.

– Потому что я могу наделить тебя собачьим чутьём, и ты сможешь уже за сто метров почувствовать запах жареного шашлыка или варёных сосисок.

– Но я и так за сто метров чувствую запах сосисок и шашлыка, – заметил я ему, – я же слепой, и некоторые мои чувства обострены.

– Ну, тогда я могу наделить тебя мышинным слухом, и ты сможешь за десять километром слышать звон колокольчика или даже звук падающей на землю монеты.

– Но я уже обладаю таким слухом, – ответил я, – я могу на расстоянии километра слышать слова людей, если между нами нет никакой преграды.

Красавчик нахмурился, но вдруг опять расплылся в улыбке и воскликнул:

– А! Тогда я могу наделить тебя орлиным зрением, и ты сможешь за тысячу метров разглядеть на земле рубль, оброненный прохожим.

– Вы смеётесь надо мной, – оскорблено молвил я, – или вы забыли, что я слепой?

– Вовсе нет, – воскликнул красавчик, – просто я дам тебе своё зрение. И ты сможешь всё видеть моими глазами.

– Как это? – удивился я.

– Очень просто, – ответил тот, – ты войдёшь в меня и сможешь, манипулируя мной, делать всё, что захочешь.

– Этого не может быть, – не поверил я.

– Ты сомневаешься?

– Ещё бы!

– Не веришь ни одному моему слову?

– Совершенно верно! В то, что вы говорите, трудно поверить.

– А если я скажу, что могу превращаться в любой предмет. Быть одновременно мужчиной и женщиной. Способен принимать обличие тридцати сущностей, превращаться в морщинистую старуху и в толстощёкого и толстопятого младенца, а также становиться девушкой такой красоты, от которой глаз невозможно оторвать, и которая на конкурсе красавиц могла бы получить приз «Мисс Вселенной». Но в обычном состоянии я являюсь мужчиной, и более того, твоей сущностью, хочешь ты этого или нет.

– Но почему?

– Что почему? Почему я могу превращаться в эти образы? Или почему я являюсь частью твоей сущности?

– Мне интересно знать и то, и другое.

– Отвечу на первый вопрос. Я смогу превращаться в эти лица потому, что познал массу умных наук. И одну из них, как ни странно, физику, раз уж мы существуем в физическом мире. Но эту физику я знаю так хорошо, как ты не знал её даже в средней школе, когда получал тройки. Перед моими знаниями сам Альберт Эйнштейн снял бы шляпу. А на второй вопрос отвечу так: Я являюсь частью тебе, потому что ты, являясь слепым, очень развил своё воображение. В каком-то смысле, я и есть дитя твоего воображения, но воплотившийся в конкретный персонаж. А именно, в тот, кем ты мечтал стать всю свою сознательную жизнь.

– Вы – супермен?

– Да, я – супермен, своего рода сущность из четвёртого измерения. И пока ты живёшь в физическом мире, я буду тебе помогать, хочешь ты этого или нет. Я – твоё отражение, вернее, отражение твоего сознания, так называемая, проекция в метафизическом мире. Поэтому я призван помогать тебе, чтобы облегчить твою жизнь. Я стану твоими глазами, твоим незримым присутствием в этом мире. И если ты пожелаешь, то мы вместе будем совершать подвиги.

Я не обратил внимания на его последнее предложение, а зря, потому что позднее, когда подумал, я осознал всем своим существом, что оно значило. Я же отмахнулся от него, спросив:

– Но почему вы вообще возникли?

– Вероятно, потому, – ответил он, – что это происходит в мире со всеми людьми, которые не очень верят в свои силы и мечтают всю жизнь стать неким эталоном для себя самих.

– Вы говорите о ваших потрясающих возможностях. А что вы способны ещё делать?

– Ха! Я могу делать всё, что ты можешь вообразить. Я способен преодолеть время и пространство. Я неуловим и неуничтожим. Я вечен как дух. Впрочем, я и являюсь твоим духом. Я превосходно выполняю любые дела. Всё, производимое мной, является непревзойдёнными шедеврами. В этом мире нет ничего невозможного для меня, как, впрочем, и в другом мире. Мои способности неограниченны.

– Вы – хвастун, – рассмеялся я, поборов робость.

Красавчик нисколько не обиделся, а нахально заявил:

– В моих возможностях ты убедишься сам. И обладаю всепроникающей способностью. Могу передвигаться быстрее скорости света. И благодаря тому, что на меня не действуют ни силы гравитации, ни течение времени, я принадлежу к вневременной области инобытия. Поэтому я могу попадать как в прошлое, так и в будущее. Из всего наличия мировых субстанций, тонких сущностей и случайных сгустков энергии я являюсь самой близкой к тебе целостностью, которая происходит от тебя, и которая запечатлена в тебе. Иными словами, я являюсь твоим внутренним Я. Поэтому, как бы не изменился этот мир, я вечно буду пребывать в тебе.

Красавчик сделал взмах левой рукой, и в темноте образовалось нечто, похожее на ограниченное пространство, заключённое в четырёх стенах. Затем он странным движением левой руки, похожим на стрижку пальцами газона, сделал круговое движение, и пространство наполнилось мебелью, предметами обихода и прочей домашней утварью. Он коснулся рукой одной из стен, и в стене образовалось окно, откуда в комнату хлынул свет. В окне я увидел впервые

за двадцать лет своей слепоты синее небо и белые бегущие облачка. Мой оппонент подошёл к столу и бесцеремонно плюхнулся на стул.

– Ты видишь, – заметил он, – я способен открыть тебе глаза на этот мир. Это – твоя комната.

Я впервые окинул комнату взглядом зрячего и поразился всему, что видел и к чему прикасался ежедневно, имея только смутное представление контуров предметов. Я поразился, что чайник, в котором я каждый день готовил заварку, был ни голубым с белой каймой, как я его себе представлял, а оранжевый с зелёными кружками. А люстра, висевшая в комнате, имела плафоны с разрисованными букетиками цветов. Мир оказался намного красочнее и красивее, чем я представлял его себе. Я замер на некоторое время, с восхищением обозревая свою комнату.

– Если всё так, как вы говорите, – наконец, вымолвил я, – и если всё это – правда, и вы являетесь моей субстанцией, способной творить такие вещи, то не откажите ли вы мне в любезности и скажите мне: Кто мы? Если нас двое, как вы говорите, и как мы будем уживаться вдвоём в этом мире, представляя собой одну сущность?

– Мы будем уживаться великолепно, – успокоил меня красавчик. А на вопрос: кто мы? Отвечу: мы – частички этого мира, из которых Всевышний лепит свою мозаику. И от нас с тобой зависит, чтобы эта мозаика была не только красивой, но и интересной. Мы должны с тобой построить идеальный мир, такой, о котором мечтает наш Творец. И мы просто обязаны помочь Ему. Так давай вместе создадим такую Идиллиаду.

Красавчик эффектно взмахнул рукой, и в комнату проник луч заходящего солнца. Я знал и раньше, что окна моей квартиры выходят на запад, но впервые я смог обозревать и любоваться из моего жилища закатом дневного светила.

– Уже вечер? – удивился я. – Как быстро течёт время!

Красавчик рассмеялся и воскликнул:

– Если ты хочешь, то можно превратить вечер в утро, но тогда вряд ли ты сможешь любоваться восходом солнца отсюда.

– Знаю, – сказал я. – Оставь так, как есть.

– Не возражаю, – ответил он, – если нужно, то я могу остановить время. Но мне кажется, что вся прелесть времени заключена в его текучести.

– Уму непостижимо, – воскликнул я, оставив без внимания его замечание. – Как же так?! Если мы все начнём создавать посредством нашего воображения в этом мире своих двойников, то, что станет с миром? Ведь, число людей сразу же увеличится вдвое, и на земле начнётся настоящее перенаселение.

– Ты говоришь чепуху, – заметил красавчик, – но всё же в твоём рассуждении есть доля истины. Каждый человек на земле имеет свой идеальный прообраз, к которому стремиться. Ты обрати внимание, с какой строгостью и даже с каким недовольством многие люди смотрят на себя в зеркало. Они думают, что они лучше на самом деле, чем-то отражение, которое видят. И делают массу всяких усилий, особенно женщины, чтобы приблизиться к своему идеалу красоты. А сколько раз тебе приходилось слышать их высказывание, что на фотографии все вышли великолепно, кроме их самих, и что они не фото гигиеничны, а их голос, записанный на магнитофон, вовсе не их, и кажется каким-то глухим и невыразительным. Люди сами делают своих двойников, создавая свой образ, который сейчас модно называть «имиджем». Они бездумно вводят его в игру жизни, а потом удивляются, что рано или поздно случается раздвоение. Человек живёт своей жизнью, а имидж начинает жить своей. Но у нас всё будет по-другому.

– Это почему же? – удивился я.

– Потому что я тебя никогда не оставлю, мы будем жить вместе, душа в душу, как сиамские близнецы.

– Вот оно что?! – воскликнул я озабоченно. – Неужели я всегда буду ощущать ваше присутствие рядом, даже в то время, когда мне захочется побыть одному.

– Но почему же, – сказал красавчик, – я понимаю, что иногда человеку просто необходимо побыть в одиночестве. Я никакой-нибудь там нахал, а весьма благовоспитанная личность, можно сказать, виртуоз в искусстве обхождения. Я всегда тонко чувствую возникающие ситуации в человеческом общении и воспринимаю все нюансы настроения людей. Поэтому я всегда буду с тобой очень ненавязчивым, или как принято говорить в свете, деликатным. Поэтому с твоего разрешения я удаляюсь, но если тебя приспичит и тебе захочется меня увидеть или пообщаться, то стукни своим посохом четыре раза о землю, и я предстану перед тобой.

С этими словами красавчик исчез. С ним также исчезли и залитая вечерним светом комната, и окно, и всё, что было в поле моего зрения. Меня опять окутал беспросветный мрак.

Ты представить себе не можешь, что я испытал в это мгновение, оставшись наедине с собой в кромешной темноте. Это происходило вчера, поэтому я вчера тебе ничего не сказал, а сегодня он снова появился.

После этого видения я весь вчерашний день пребывал в большом замешательстве. Если бы это мне приснилось, я бы просто посмеялся, но сны мне перестали сниться уже пятнадцать лет назад. Всё это время меня окружала тьма. И вдруг такая яркая вспышка света, да, к тому же ещё, такого необычного, который принял якобы образ моего идеального подобия. Я не знал, что об этом подумать. Мне захотелось с кем-нибудь поделиться своими мыслями. Я взял в прихожей свою трость и отправился к моему знакомому учителю, который преподавал одновременно физику, химию и математику в средней школе, расположенной неподалеку на нашей улице.

Выйдя из подъезда, я ощутил кожей приятное прохладное дуновение вечернего ветерка. Окрестности вокруг моего дома я знал наизусть. Каждый камешек, излучина или тротуарная бровка были мне знакомы. Я мог ориентироваться здесь, как в своей собственной квартире, или как ещё говорят зрячие: с закрытыми глазами.

Я думаю, что потеря ориентации в пространстве для лётчика – самая опасная беда, но для слепого – не очень, всё же нас, слепых, плотно удерживает на плоскости земное притяжение, и мы можем, соприкасаясь с чем-либо, быстро определить своё местонахождение. Главное для слепых – иметь представление о границах мира, предполагать, через сколько шагов в этом или в том направлении мы можем налететь на столб или врезаться в стену. Точная картина окрестностей моего дома чётко запечатлена в моей памяти.

Пройдя мимо фасада гостиницы «Интурист», я вошёл в дворик, взятый в каре многоквартирными домами, и вышел на улицу, где стояла средняя школа. Занятий в ней уже не было, но мой знакомый учитель всегда засиживался в своём кабинете дотемна. Это я знал. Он всё время отдавался своей исследовательской работе.

Войдя в вестибюль школы, я спросил у сторожа:

– Василий Антонович у себя?

– А где ему ещё быть? – удивился сторож. По широкой лестнице я поднялся на второй этаж и приблизился к кабинету моего бывшего друга. Расположение школы я знал хорошо, так как два года назад в течение двух семестров преподавал ученикам шестых классов древнюю историю. В то время их учительница находилась в декретном отпуске. Я постучал в лабораторию физики, дверь мне отомкнул ключом Василий Антонович.

– Добрый вечер! – сказал я, протянув ему руку.

Василий Антонович, пожав мою руку, взял меня за локоть, провёл к своему рабочему столу и усадил на стул. Так он проделывал всегда, чтобы я ненароком ни опрокинул какой-нибудь штатив с прибором или не разбил его колбу.

– Почему так поздно пожаловал ко мне? – спросил он меня не очень любезно.

– На это есть причина, – ответил я ему и закашлялся.

В лаборатории пахло серой с привкусом металла.

– Извини, – сказал он, – сейчас проветрю.

Он подошёл к окну и распахнул створки. В лабораторию ворвались шумы улицы: шелест листвы тополей, шорох шин проезжающей машин, шаги каблучков спешащей домой женщины и писк стрижей, летающих над крышами домов, чтобы устроиться на ночлег.

– Так в чём вопрос? – спросил Василий Антонович.

– Видишь ли, дорогой друг, – начал я, – только что мне случилось пережить нечто новое, отчего я не могу найти себе место. Вот пришёл к тебе, поделиться своими мыслями и услышать твоё мнение.

– Говори, – деловито сказал Василий Антонович, ни на минуту не прекращая своих манипуляций с позвякивающими приборами.

– Я уже двадцать лет ничего не вижу, – начал я, – ты это знаешь. Так что те впечатления, которые я лицезрел в своей прошлой зрячей жизни, практически уже стерлись из моей памяти, и весь этот мир для меня сейчас погружён во тьму. К этому я привык, смирился и считаю это своим обычным состоянием. Но вот четверть часа назад я вдруг опять увидел этот мир.

– Вернулось зрение? – спокойно спросил меня учитель.

– Нет, совсем нет, – заёрзал я на стуле. – Я вдруг увидел свою комнату и закат солнца в окне. И знаешь, кто помог мне это увидеть?

– Кто же? – не проявляя никаких эмоций, спросил Василий Антонович.

– Мой двойник. Вернее сказать, я даже не знаю, кто он был. Но вдруг он появился перед моими глазами, разговаривал со мной, а потом, как будто включил свет, и вся моя комната озарялась сиянием, и я видел в окне лучи солнца и проплывающие облака.

Я подробно рассказал ему всё, что со мной случилось.

– Ты давно был у психиатра? – спросил меня Василий Антонович.

– Я так и знал, что ты это спросишь. К твоему сведению, я ни разу в жизни не был у психиатра.

– А стоило бы, – заметил учитель.

– Я пришёл к тебе не за этим, чтобы выслушивать всякие обидные советы, – сухо ответил я. – Ты бы лучше помог мне разобраться в этом феномене. Я не сумасшедший, и никогда им не стану. И если хочешь знать, я в здравом уме и хорошей памяти.

– Ну, не сердись, друг, – молвил учитель мягким тоном, перестав греметь приборами. – Я не хотел тебя обидеть. Но то, что ты мне говоришь, какая-то чушь. Может быть, тебе всё это приснилось?

– Да не спал я, уверяю тебя! – воскликнул я, теряя терпение.

Василий Антонович сел напротив меня. Я слышал его дыхание.

– Но сам-то ты признайся, что всё, что ты мне сейчас рассказал, выглядит немного странно.

– Я понимаю это. Но, тем не менее, что-то ведь произошло? Некоторое время Василий Антонович ничего не говорил. Вероятно, сидел в задумчивости. Но затем он встал, подошёл к окну и закурил сигарету. Табачный дым перебил ароматы улицы, смешанные с остатками запаха серы и металла.

– Видишь ли, – сказал он слепому, – на всё это можно напустить много тумана, но сути произошедшего явления так и не увидеть. Ты затронул очень сложную тему, и с философской точки зрения на неё можно посмотреть по-разному. Как я понимаю, речь идет о переносе объекта внимания на самого себя, и как говорил Кант в своё время, переходе от трансцендентного к трансцендентальному.

– То есть? – спросил я его, запямятовав некоторые тонкости учения Канта.

– Всё трансцендентное включает в себя восприятие и распространение определений своего представления на мир вещей, то есть традиционных объектов познания. А трансценден-

тальное определено лишь действительным объектом познания, иными словами, самим познанием. В «Пролегоменах» Кант говорит, что он обозначает отношение нашего познания не к вещам, а только к познавательной способности. В твоём случае мог произойти некие реверс, когда твоё представление действительности ни то, чтобы не совпало с восприятием реальности, а как бы выскочило из неё, приподнялось над ней и показало тебе некое представление, подобное с реальностью. Ты остался в реальности, но интуитивно ты вдруг стал её воспринимать по-другому. Иными словами, ты преодолел порог своего сознания, и перед тобой открылась картина, которая может соответствовать действительности. Мне трудно объяснить тебе простыми словами, скажу лишь, что по теории Канта существование не всегда совпадает с пониманием действительности. Считай, что у тебя открылся третий глаз.

– Подожди, – воскликнул я, – ты меня совсем запутал. – Ответь мне, видел я наяву этого господина, который представился мне, или нет? И почему он представился мне в образе меня самого?

– Мне трудно ответить на твой вопрос, потому что я не психолог – подумав, сказал учитель. – В твоём случае нужно быть уверенным, что к твоему понятию восприятия действительности был добавлен предикат бытия, без чего даже обросшее разными предикатами восприятие не станет реальностью.

– К чёрту твои заумные объяснения, – воскликнул я раздражённо, – ты мне просто объясни: приходил ко мне этот человек или нет?

– Я же тебе говорю, – спокойно ответил Василий Антонович, – для доказательства или опровержения этого феномена нужно выйти за пределы понятия восприятия, чтобы прийти к бытию. Ведь наш теоретический разум не способен познать мир без созерцания и опыта.

– Ну, допустим, с созерцанием у меня проблема! – раздражённо воскликнул я. – Я всё равно ничего не вижу.

– Я имел в виду духовное созерцание, – поправился учитель и продолжил, – но наш практический ум, который управляет волей человека и его поступками, возможно, способен создать некий сгусток энергии, которая опосредственно, вероятно, всё же может содействовать умозрительному познанию мира и приобретению опыта. Если, и в самом деле, появился субъект, способный помочь тебе, то зачем тебе уклоняться от общения с ним, тем более что...

Он не успел договорить. В это время за окном раздался скрип тормозов и сильный глухой удар, загремело железо.

– Мать Божья! – воскликнул Василий Антонович. – Только что, на моих глазах, машина врезалась в дерево. И это случилось на улице, где практически нет автомобильного движения. Пьяный за рулём, наверно. Я сейчас спущусь, может быть, понадобится моя помощь.

– Я с тобой! – воскликнул я, вскакивая с места и хватаясь за свою трость.

Василий Антонович без возражений взял меня за руку и направился к дверям. Мы вместе быстро спустились в вестибюль, и вышли на улицу. Возле машины уже слышались голоса прохожих, подошедших к разбитой машине.

– Что происходит? – спросил я учителя.

– Двое подвыпивших юнцов зажаты в кабине спортивной машины Тойота «Кабриолет». Капот – всмятку. Оба без сознания. Их придётся вырезать оттуда автогенном. Один мужчина пытается оторвать искорёженную дверцу, но у него ничего не получается. Юнцы явно были в подпитом состоянии, поэтому и налетели на дерево на такой скорости.

Здесь я услышал, глухой звон металла, вероятно мужчине удалось вырвать эту искорёженную дверь, и тут же, раздался раскатистый рокот динамика. Вероятно, от проделанного усилия по освобождению двери соединился контакт, и радиоприёмник вновь заработал, оглашая улицу ритмическим рёвом. Из динамика неслось нечто подобия музыки. Затем музыка внезапно оборвалась, и раздались голоса двух развязных дикторов, которые, как мне показа-

лось, вешали из дискотеки молодой части города, говоря всякие непристойности. Один из них голосом неопределённого рода восклицал:

«– Спасибо, что остаётесь с нами, я имею в виду с нашей молодёжной радиостанцией «Эс-Тэ-Эн». (STN – «Станция творческих натур»)

– Но если бы кто-то из вас, я имею в виду девушек, решил вообще заночевать с нами, мы бы не возражали, – вторил ему другой неприятный голос. – Наша радиостанция работает двадцать четыре часа в сутки. Звоните нам и заказывайте ваши любимые мелодии, а также пользуйтесь нашими услугами».

Раздался металлический удар, и радио замолчало.

– Эти ублюдки уже всему городу осточертели, – сказал рядом с нами незнакомый мужской голос. – Передают в эфир всякую ерунду, а такие бараны, как эти, слушая её, заливают шары пивом, носятся по городу, как угорелые, пока кого-нибудь не задавят, или сами не найдут свою смерть в кювете. Не музыка, а какое-то похмелье.

И вдруг я увидел, как рядом со мной в темноте образовалось белое пятно, которое приняло форму облачка, а затем барашка, поднимаясь кверху.

– Что это? – воскликнул я возбуждённо, схватившись за руку учителя.

– Где? – спросил он меня.

– Там, я вижу, что-то появилось, – сказал я, указывая своей тросточкой вверх.

– Я ничего не вижу, – ответил Василий Антонович.

– А я вижу облачко, которое поднимается вверх.

– Может быть, это душа одного из них, – сделал предположение учитель, – но я ничего не вижу. Не иначе, как опять даёт знать твоё наваждение. Вероятно, всё это – галлюцинации твоего расстроенного воображения.

Я ему ничего не ответил. Зачем начинать с ним дискуссию принародно, чтобы и другие меня тоже посчитали сумасшедшим. Послышались звуки сирены сразу же нескольких машин. Почти одновременно к месту аварии прибыли скорая помощь, дорожная инспекция и служба спасения. Спасатели разрезали салон машины и извлекли на свет Божий двоих пострадавших, как сельдей из консервной банки. Во всяком случае, так мне показалось, когда я слышал скрип ножниц по металлу. Врач констатировал смерть одного парня. Затем ещё живого товарища в тяжёлом состоянии скорая помощь увезла в реанимацию, а мёртвого отправили в морг. Дорожный инспектор начал составления протокола происшествия. Зрителей сразу заметно же поубавилось. Через несколько минут мы с учителем остались вдвоём в качестве свидетелей. Василий Антонович рассказал инспектору, что видел со второго этажа, как машина на большой скорой помощи врезалась в дерево.

– А что видели вы? – по-видимому, инспектор обратился ко мне.

– Он ничего не видел, – бесцеремонно заявил мой товарищ, – он слепой.

– Но как же?! – возмутился я. – Я видел, как его душа вознеслась на небо.

Ни милиционер, ни мой учитель не придали моим словам никакого значения. Они также оставили без внимания моё замечание, когда я выразил своё удивление по поводу того, что после такого удара, когда вся машина разлетелась на части, радио продолжало работать, что, наверняка, явилось вмешательством нечистой силы.

После этого моего заявления Василий Антонович поспешил увести меня в школу. Поднявшись на второй этаж в кабинет физики, мы опять устроились за его столом и продолжили прерванную беседу.

– В подобных случаях, – недовольно заметил учитель, – я прошу тебя воздерживаться от заявлений и умозаключений, которые ты только что высказывал дорожному инспектору. Пойми, что не все люди шизики, как мы с тобой. Есть и нормальные люди, которым странно слушать такие речи. Если ты будешь везде распускать свой язык, то быстро попадёшь в психушку. Это мне ты можешь говорить всё, что думаешь. А дорожному инспектору глубоко

наплевать на твои глубокие умозрительные выводы. У него и так жизнь не лёгкая, не то, что у нас с тобой. Может быть, ему за день приходится выезжать до десяти раз на такие случаи, и если каждый раз он будет выслушивать от свидетелей подобные бредни, то через месяц у него самого крыша поедет.

– А что я такого сказал? – возмутился я.

– Ничего особенного, – успокоил меня учитель, – но такие вещи лучше рассказывать психиатру.

Я показал ему всем своим видом, что обиделся.

– Да ладно, тебе дуться, – сказал учитель через минуту, – ведь мы же друзья. А это правда, что ты увидел что-то на месте аварии?

– Я же сказал тебе, что видел белое пятно, которое подобно надутому шару поднялось в небо.

Василий Антонович задумался, а потом молвил:

– Может быть ты и прав. Ведь мы не знаем всего, что происходит в этом мире. Мне кажется, что зрячие отличаются от слепых тем, что живут по понятиям, не вникая в созерцательную сущность вещей. Мы как бы видим этот мир, и эта видимость скрывает от нас их содержательную первооснову, вот почему мы всегда ошибаемся и следствие принимаем за причину. Об этом в своё время, мне кажется, догадывался ещё Эммануил Кант. Даже кантианская концепция трансцендентализма, противопоставленная метафизике, рассматривает пространство и время ни как понятия, а как формы созерцания, и созерцательное представление, единичное и непосредственное, по его мнению, обладает бесконечным богатством определений. И если понятие отличается от созерцательных форм своей абстрактностью, и возникает в результате дискурсивного объяснения, когда рассудок переходит от одного созерцательного представления к другому, отбирая общие признаки и конструируя некий общий, абстрактный объект, то созерцание всегда является первичным по отношению к понятиям. Поэтому, мне кажется, что, то, что ты увидел сегодня, я имею в виду душу, воспарившую в небо, и твоего красавчика, является ничем иным как проявлением первоосновы, которая соединяет воедино твое субъективное созерцание и объективную реальность.

– Прошу пояснить твою мысль, – подскочил я на стуле, испытывая сильное волнение, – Ты полагаешь, что душа этого юноши и красавчик существуют реально?

– Конечно. Но только они существуют в другом измерении, которое недоступно нам, зрячим. А вот со слепыми, по-видимому, дело обстоит иначе. У них, вероятно, есть такие возможности проникновения в это измерение.

С улицы через открытое окно донеслись шумы лебедки автопогрузчика, убирающего с улицы остатки разбившейся машины Тойота «Кабриолет».

– Значит, я, в самом деле, могу видеть то, что не под силу зрячему? – окрылённый надеждой, я высказал своё предположение.

– По-видимому, так оно и есть, – согласился учитель. – Дело в том, что если связать воедино пространство и время, и представить это, ни как абстракцию разных пространственно-временных объектов, а как созерцательную сущность, обладающую, помимо общих своих собственных различий, которые не входят в абстрактные дискурсивные конструкции, ещё и своей неуничтожимой наличностью, то тогда любое конкретное время начинает мыслиться, как часть одного и того же бесконечного времени, а пространство, занимаемое этой сущностью, как продолжение бесконечного общего пространства. А это значит, что любая сущность, проявившаяся во времени и пространстве, уже неуничтожима. Просто она меняет свою оболочку, становится своего рода частицей единого целого. И как конкретное частное пространство, имевшее свое наличие в реальности, преобразуясь, не теряет своего наличия, а продолжает существование благодаря своей энергетической потенции в некой запредельной сфере, куда переходит без остатка.

– Потрясающе! – воскликнул я. – Ты меня успокоил, а то я уже подумал, что схожу с ума.

– Но не забывай об одном, – предостерег меня Василий Антонович, – что пространство и время, обладая бесконечностью и непрерывностью, не могут быть частями чего-то большего, и не могут включать в себя элементы, которые не являлись бы пространством и временем. А посему пространство и время – это не абстрактные формы внешнего мира, а субъективные априорные формы созерцания, и к ним нужно подходить осторожно. А так как многие вещи находятся вне нашего субъективного созерцания, и не являются внешними причинами нашего ощущения, то следует уделять особое внимание тем «Вещам в себе» – Ding in sich, которые, вызывая наши ощущения, не являются причиной явлений, потому что сами по себе явления – ничто иное, как чувственные объекты, сформированные пространством и временем, как априорные формы созерцания, и являются в этом смысле субъективными. Поэтому твои видения есть, ни что иное, как открывающееся окно в другой эмпирический мир, который посредством передачи тебе своего опыта может приблизить тебя к пониманию многих сокровенных тайн. Постарайся не отвергать этот мир и возможности, открывшиеся для тебя, и уж если тебе представилась такая возможность, то проникни в него, а потом опиши его нам.

– Но если я начну общаться с моим оппонентом, то не закончится ли всё это дурдомом? – высказал я своё опасение. – Не оторвусь ли я совсем от действительности, погрузив себя в этот идеальный мир?

– Нисколько, – решительно возразил мне учитель. – Так как мы оба с тобой далеки от признания явлений иллюзиями, поскольку субъективные формы, определяющие явления, реальны. Но они реальны именно в субъективном смысле, что же для объективной реальности, то она существует независимо от познающего субъекта. Ведь любая вещь в себе находится вне субъекта познания, вне созерцания, поэтому она не может быть пространственно-временной. Ведь, как определили мы с тобой, пространство и время являются субъективными формами. А «вещь в себе» – это причина наших ощущений, назовём его предельным понятием нашей философии. И если оно даже не является причиной явлений, оно требует, чтобы за пределами нашего субъективного пространственно-временного созерцания находился его внешний коррелят. И поскольку наша критическая философия перенесла объект разума на тебя самого, то есть, на пространственно-временное созерцание, то, то, что находится вне такого созерцания, может быть отмечено тобой постулировано, а само познание не должно входить в этот мир ноуменов, который чужд ему, хотя, и связан с ним. Одним словом, от тебя требуется максимальная концентрация, чтобы ты отсеял всё преходящее и постиг только вневременное. В этом и будет состоять вся ценность твоего эксперимента.

Произнеся эту тираду, Василий Антонович замолчал и подошёл к окну. С улицы доносился шум дворника, подметающего улицу.

– Вот видишь, – сказал он, привлекая моё внимание, – ещё каких-то полчаса тому назад здесь разыгралась трагедия, погиб человек. А сейчас уже и следов не осталось от этого явления. И если бы ни вон та свежая зарубина на дереве, своего рода отпечатавшийся предикат, то ничего бы не напоминало нам о том, что произошло. Нет уже ни людей, ни разбитой машины, ни погибших. Ничего не осталось, остался только субъективный отпечаток в нашей памяти. И если бы ты сегодня не пришёл ко мне, то даже бы и не знал, что здесь случилось. Вот она реальность, вплетённая в пространство и время.

Услышав эти слова, я, устав от его философии, засобиравшись, встал со стула и сказал, что мне пора идти.

– Иди, – не стал он меня удерживать. – А то я с тобой заболтался. Если я буду всё время предаваться праздным разговорам, то никогда не сделаю своего научного открытия и не получу Нобелевскую премию.

Он проводил меня до двери своей лаборатории и, пожав руку, сказал на прощание:

– Не ломай себе голову пустяками. Живи в свое удовольствие. Если тебе что-то помогает преодолеть твой недуг, то пользуйся им. Прощай.

Я спустился по лестнице и вышел на улицу. Отыскав тросточкой место аварии, я ощупал ствол векового тополя и пальцами обследовал рану. Мне показалось, что клочки развороченной древесины были ещё тёплыми. Сверху я услышал голос Василия Антоновича, который, по-видимому, стоял у окна и наблюдал за мной.

– Ну, как предикат? – спросил он.

– Глубокий, – ответил я.

– Напоминает он тебе о чём-то?

– Нет, – сухо сказал я ему из духа противоречия и поплёлся домой на свою холостяцкую квартиру.

Придя домой, я долго не мог прийти в себя от всего пережитого за этот вечер. Чтобы немного успокоиться, я включил приемник, постоянно настроенный на радиостанцию «Радио – культура». Из динамика полились звуки классической музыки, по стилю я предположил, что исполнялось одно из сочинений Рахманинова. Я вновь ощутил себя уютно и немного успокоился.

Но как только успокоился, мне вдруг вспомнились омерзительные звуки той молодёжной радиостанции, которая продолжала вещать даже после того, как машина разлетелась вдребезги. В моём представлении эта радиостанция, почему-то, внезапно ассоциативно совместилась с понятием «Вечное зло». Вечное зло, не знающее и не признающее смерти. Мне очень захотелось найти эту радиостанцию в эфире. Я подошёл к приёмнику и стал вращать бобину тумблера. Внезапно я услышал те же два противных голоса. Один из них мог принадлежать гомику, а другой – хулигану. По-видимому, они разговаривали меж собой:

«– Ты, почему воздух испортил? В студии и так дышать нечем от жары, а ты ещё пускаешь ветры.

– Извини дружище, поел что-то несвежее, а чем пахнет?

Тухлыми яйцами.

– А вот тухлых яиц я не ел. Но может быть, мы послушаем чего-нибудь свеженького. Я слышал, что от свежей музыки пищеварение улучшается.

– Тогда давай поставим только что полученный нами “Rock en sausages and pies” нашего кумира Джона Дебила, написанного им буквально утром, когда он сидел на своем золотом унитазе в великолепном туалете».

Динамик разразился какофонией звуков. Я уже хотел переключить, так как такое безобразие звуков не собирался слушать, как вдруг музыка оборвалась, и раздался голос ведущего гомика:

«– У нас звонок. Звонит девушка Марина.

– Жаль, что прерываемся. После такой музыки – в самый раз затянуть косячок. Говоришь, Марина? Этой девушки ещё не было в нашей картотеке, – сказал Хулиган, – подавай её сюда».

В динамике раздался щелчок, по-видимому, микрофон переключился на связь с телефоном.

«– Что тебе нужно от нас, милочка? – спросил девушку развязный голос хулигана.

– Я бы хотела услышать одну песню.

– Хоть две для тебя, милочка, – развязно перебил ей Хулиган. – А если бы ты взяла в свой маленький ротик мой отросток, то я бы тебя саму сделал звездой шансона. Что ты на это скажешь?»

Молчание.

«– А что ты подумала, когда я сказал о моём отростке?»

Опять молчание.

«– Ну не буду тебя смущать, милочка, – прервал паузу Хулиган. Отростком я называю мой хвостик.

– Так что же, вы хвостатые? – удивилась девушка.

– Да, оба и у обоих растут рога, – захихикал гомик.

– Если ты придёшь в нашу студию, то мы дадим тебе их пощупать, – засмеялся Хулиган, и этой же ночью устроим групповуху. Не пожалеешь, приходи к нам».

Раздались короткие гудки. По-видимому, девушка бросила трубку.

"– Сорвалась рыбка с крючка", – нахально заявил хулиганистый голос.

Я больше не стал слушать его мерзопакостные излияния, перенастроил приёмник на волну «Радио-культура» и стал думать под звуки классической музыки о том, как низко пала наша общая культура, когда гиперпространство заполняется подобными скабрёзностями. Вдруг у меня возникло неодолимое желание вызвать из небытия моего оппонента. Я четыре раз стукнул тростью о пол. Но никто не появился. Я вздохнул с облегчением. Наваждение прошло. Но как только я собрался сесть за чтение одной из моих перформативных книг, опять возникло свечение, и появился мой оппонент-красавчик.

– Извини, приятель, что замешкался, – сказал он развязно, – не всегда просто вернуться из тех дебрей четвёртого измерения, где кипит и бьет ключом полнокровная жизнь, ни то, что это болото, где ты прозябаешь.

– Неужели наша земная жизнь кажется вам серой? – удивился я.

– Да как сказать? – уклончиво ответил красавчик. – Прошлый раз мы говорили об ориентации в пространстве. Так вот я считаю, что люди совсем не могут ориентироваться в нём, потому что не знают даже то, что находится рядом с ними. Я открою тебе глаза, и ты увидишь, что этот город заселён духами, богами, уродами, зверями, тонкими сущностями и всякими диковинными существами.

– Только что я слышал разговор двух таких сущностей с сатанинской радиостанции, от которого меня чуть не стошнило.

– Ты имеешь в виду двух бесёнков со «станции творческих натур» STN, которые засоряют эфир непристойностями? Так это самая популярная радиостанция среди жителей этого города.

– Но разве можно такое слушать, – удивился я.

– Эту радиостанцию слушают все, и уж тем более, молодые люди. Спрос рождает предложение. Не у всех жителей города такие изысканные вкусы, как у тебя. И не каждый человек так начитан, как ты. Будь к ним снисходителен.

– Но мне совсем не понятно, зачем идти на поводу их дурных вкусов, не лучше ли их воспитывать, поднимать их культурный уровень, прививать им хороший вкус.

– Вряд ли они хотят этого, – усомнился красавчик. – Сейчас всё в нашей стране зиждется на самоокупаемости. Тот, кто заказывает музыку, тот и танцует девушку. Если он не приемлет твою культуру, так ты хоть лопни, или лоб себе расшиби, ничего не добьешься. И как говорят в народе, горбатого могила исправит. Каждый человек привык вариться в своём собственном соку. И у каждого человека есть свой собственный дух, запах, вкус, взгляд на жизнь. Ты не исправишь этот мир, а только набьешь себе шишки и синяки. Люди стоят за свои убеждения горой. Такова жизнь, милостивый ты мой. В этом, наверное, и заключен секрет разнообразия во Вселенной. И если ты хочешь что-то в этом понять и немного разобраться, то я предлагаю тебе совершить со мной прогулку по ночному городу. И ты сразу же увидишь, что в этом мире не всё так просто, как кажется на первый взгляд.

– Как я могу увидеть?! – возмутился я. – Я же – слепой.

– Это уж моя забота. Хочу только сказать, что ваш город, и впрямь, является уникалом во вселенной. Здесь облюбовали места боги не только со всего земного шара, но и многие тонкие сущности из далёких звёзд и галактик. Тебе нужно только всмотреться в них, и ты увидишь...

– Вы опять за своё?! – воскликнул я, теряя терпение. – В конце концов, это невежливо напоминать мне каждую минуту о моей слепоте. Скажите мне, как я могу всмотреться в них, когда я ничего не вижу.

– Но меня же ты видишь. Уверяю тебя, всё зависит от воли человека. Я докажу тебе, что посредством воли можно научиться не только видеть такие вещи, которые даже зрячему не под силу разглядеть. Я передам тебе тайные знания, посредством которых ты узнаешь истину. Одевайся.

– Но я и так одет.

– Разве у тебя нет костюма поновее.

– Есть один, но я его одеваю в исключительных случаях. Например, когда в обществе слепых устраиваются ежегодные отчётно-выборные собрания.

– Чтобы слепые поглазели на твой новый костюм? – расхохотался красавчик.

Без лишних комментариев я переоделся в новый костюм, и мы вышли из дома. Когда я спускался с пятого этажа по лестнице, залитой электрическим светом, я спросил моего проводжатога, почему он не появлялся передо мной раньше, когда я был ещё зрячим.

– Ну, ты и нахал! – воскликнул тот, придя в негодование. – Неужели тебе не известно, что тонкие сущности могут вселяться в любые живые существа. Так, например, чтобы проникнуть к тебе, в то время, когда ты ещё видел, я вселился в муху, которая сидела на стекле твоего окна и слушала, как ты читал Платона. Я хотел на тебя только поглядеть, но ты прервал своё чтение, подошёл к окну и придавил меня ногтем к стеклу, вернее, не меня, а то бедное существо, которое я одухотворил. У бедной мухи аж кишки из живота вылезли. И мне ничего не оставалось делать, как вновь всплыть в эфир бестелесным призраком. Вот какой ты жестокий.

– Извини, – произнёс я с виноватым видом.

Мы вышли на улицу. Над бульваром и набережной зависла полная луна и подобно огромному фонарю заливала всё вокруг своим фиолетовым светом. Мы направились к реке.

– Хочешь, я покажу тебе весь город с высоты птичьего полёта? – спросил меня красавчик.

– Но как ты это собираешься сделать? – удивился я.

– Ты забываешь о моих способностях, – напомнил он мне. – Я могу нас превратить в птиц.

– Но птицы по ночам не летают, – возразил я ему.

– Но тогда давай станем летучими мышами.

– Как же я тогда увижу город? – удивился я. – Ведь летучие мыши такие же слепые, как я.

– А мы станем зрячими летучими мышами, и будем видеть даже в темноте, – засмеялся красавчик.

И в следующее мгновение какая-то неодолимая сила понесла меня вверх в небо, как то белое пятно, которое я видел над местом аварии.

– Что происходит?! – воскликнул я со страхом пискливым голосом. – Почему мы поднимаемся вверх?

– Я же тебе сказал, что покажу город с высоты птичьего полёта, – пискнуло рядом со мной омерзительное существо, напоминающее летучую мышь, – а заодно и посмотрим, чем занимаются в городе достопочтенные горожане. Благо, что из-за жары в эту пору все окна в домах раскрыты настежь, а заодно и узнаем некоторые секреты этого города, чем он дышит и живёт.

Мы поднимались всё выше и выше. Под нами отливала лунным светом гладь реки, по берегам которой блестели кровлями крыш дома, башенки, купола церквей. Во многих окнах домов горел свет. Но в окна с потушенными огнями смотреть было гораздо интересней, потому что там происходили потрясающие сценки. Недалеко от драматического театра в гостинице актёров в одной постели лежало сразу три пары, попеременно предаваясь любви и меняя своих партнёров.

– Ну, как? – воскликнула отвратительная летучая мышь. – Разве такое увидишь в дневное время? Я часто устраиваюсь по вечерам на подоконниках и смотрю на их страстную любовь. Должен признаться, что у них в постели любовного пыла больше, чем на сцене. Вот если бы все зрители могли видеть этот спектакль!

Мы пролетели мимо одного ресторана с большими окнами, где шло гуляние.

– А здесь собралась прекрасная компания, – прошипела летучая мышь, – позднее мы можем присоединиться к этому веселью, если ты пожелаешь. Посмотри, сколько там симпатичных девушек. Ты сможешь выбрать любую. Для этого я смогу дать тебе моё обличие. Признайся, ведь такому, как я, не откажет ни одна девушка.

– Такой мерзкой летучей мыши? – удивился я.

– Ну, что ты такое говоришь, – воскликнула летучая мышь, – ты же знаешь мою истинную сущность. Посмотри, у них столы ломаются от яств. Они, явно, намерены гулять до утра. Многие из них уже пьяны, мы могли бы попользоваться не только их кошельками, но и красавицами. Может быть, ты прямо сейчас хочешь полакомиться их угощениями?

– Я не голоден, – холодно ответил я.

– Но пусть пока повеселятся без нас, – согласилась летучая мышь, – но не очень долго, а то вдруг у них возникнет драка, и они перебьют всю посуду, опрокинут столы, и угощение с пола уже будет не таким вкусным. А самых красивых девушек уведут, как лошадей из стойла, и разберут их по постелям.

Мы пролетели над огромным стадионом с потушенными огнями, где по стартовой дорожке в свете луны бежал всего один человек.

– Вот видишь, – сказала мне летучая мышь, – какие бывают упорные люди. Чтобы стать чемпионом мира, этот марафонец даже не спит ночью. Всё бегаёт. Если не умрёт от разрыва сердца, то обязательно поднимется на пьедестал почёта. Уважаю такие целеустремлённые личности.

Рядом со стадионом находился медицинский институт с общежитием студентов, которые по ночам предавались зубрёжке на латыни всевозможных болезней и чудодейственных лекарств. В этом же квартале находились университетская клиника и родильный дом. В одном из окон клиники была видна операционная, где на столе лежал разрезанный пациент, а над ним, склонившись, колдовали несколько врачей с марлевыми повязками на лицах и скальпелями в руках, обтянутых перчатками. Рядом, в соседней комнате лежал другой пациент, вероятно, уже зарезанный ими и накрытый с головой простынёй. В соседнем корпусе в родильном отделении орало сразу несколько новорождённых. Медсёстры ходили между рядами детских коек с бутылочками молока и кормили младенцев.

– Вот видишь, как здорово устроено! – воскликнула летучая мышь. – Всё – в одном месте, одних принимают в этот мир, а других выпроваживают на тот свет.

Мы пролетали над мрачным зданием с зарешеченными стенами.

– А это дом умалишённых, – сказала летучая мышь, – а ещё их называют убогими. Потому что живут они рядом с Богом и строят Святую Русь. Это единственно достойное место в нашей стране, где люди чувствуют себя свободно и обеспечено. Я уважаю их всех.

Мы летели мимо пятиглавой церкви, сверкающей сусальным золотом крестов и куполов в лунных лучах. Окна церкви были темны.

– А батюшка этой церкви заседает сейчас на тайном совете священнослужителей, – молвила летучая мышь, – если хочешь, то мы можем послушать их тайные и истинные мысли, узнать, что, вообще, они думают о религии.

Я ничего не ответил ему.

Мы летели над бывшем Иерусалимским кладбищем с землёй, привезённой ещё в XIX-м веке купцами из святых мест Палестины. Однако после октябрьского переворота коммунистические власти выбросили из этой земли кости православных горожан и переделали кладбище в

Центральный парк культуры и отдыха. Сейчас здесь играл духовой оркестр, на танцплощадке кружились пары. Рядом с ними проносились поезда американской горки, крутилось колесо обозрения, веселилась и визжала публика, взлетая на качелях высоко в ночное небо, а влюблённые парочки предавались любви прямо в тенистых кустах, впитавших в себя прах прошлых поколений. Примыкая оградой к парку, стоял буддийский храм, из одной пагоды которого слышалось позвякивание колокольчика и монотонное чтение сутры бонзой. Пролетев три узкие искривлённые улочки с убогими домами, мы вылетели квартал китайского рынка, который в народе называли Шанхаем. Несмотря на поздний вечер, на нём шла бойкая торговля, прямо на тележках выпекались рисовые лепёшки, варились позы, готовилась лапша и похлёбки из свиной и говяжьей требухи. На воротах китайского рынка сидел золотой дракон и лениво, но с одобрением смотрел на ночную суету и не бойкую торговлю. Время от времени в небо взвивались шутихи и рассыпались фейерверком, как во время большого карнавала. Китайцы обожали праздники, тем более на чужбине в память о своих родных местах, оставленных в Поднебесной.

Рядом с Шанхаем размещался общий городской рынок, построенный ещё, по приданию горожан, древними египтянами, и где торговые места уже давно принадлежали азербайджанцам, тюркам, татарам и кавказским народностям. В ночное время эти труженики спали, и окна павильонов центрального рынка были погружены во тьму. Недалеко от рынка высилась старая заброшенная городская каланча, куда мы и приземлились отдохнуть от долгого полёта. Вероятно, отсюда пожарники обзрели самый знаменитый пожар 1872 года, когда сгорело три четверти всего города, выстроенного тогда из дерева.

– Ну, как? – спросил меня красавчик, принявший свой первоначальный вид. – Понравился тебе ночной полёт над городом? Посмотри, какой великолепный вид открывается с этой высоты.

Мы стояли на полусгнивших досках площадки обзора и смотрели в разные стороны света. Несмотря на поздний час в южной и восточной частях города кипела жизнь, в окнах горел свет, по улицам проносились дорогие машины, подвыпившие прохожие горланили песни, никто не хотел спать. Однако северные и восточные части уже погружались во тьму. Люди там ложились спать рано, ещё засветло тушили свет. Северо-восточнее башни высился шпиль минарета исламской мечети. В домах рядом с ним было уже темно. Мусульмане спали крепким сном. Северо-западнее каланчи возвышалось капитальное сооружение синагоги, там ещё горел свет, но люди уже готовились ко сну.

– Сколько же в нашем городе живёт всякого люда? – удивился я. – Сколько народов и сколько религий! И как они только уживаются все на одном месте?!

– Интересный вопрос, – сказал красавчик, – но, если ты, в самом деле, хочешь это знать, я могу тебе устроить посещение тайной вечери. Как раз в эту ночь собираются священнослужители всех этих народов, чтобы обсудить правила совместного общежития и критерии истинной веры.

– Интересно было бы их послушать, – согласился я.

– Тогда в чём вопрос?! – воскликнул красавчик. – Полетели на их тайную встречу, а заодно и понаблюдаем ночную жизнь города.

Мы опять превратились в летучих мышей, снялись с каланчи и полетели на запад к морю бушующих огней. Пролетая над центральной улицей, мы увидели монгольское консульство и дом, где обитал знаменитый писатель-эзотерик, ночной клуб, где вход для девушек был бесплатным после того, как они выпивали кружку неразведённого спирта, после чего их можно было брать тёпленькими. Позади нас остались также японский информационный центр с истинным самураем, исповедовавшим втайне от всех учение о Великом светлом и тёмном пути Тайоммё-до, центр по изучению иудаизма с самым умным в городе раввином, преподающим тоже втайне своим ученикам каббалу, и дом журналистов, где коллеги по перу также тайно устраивали ночные оргии и коллективный разврат. Наконец, мы вылетели на самую большую

площадь города, рядом с которой был разбит сквер с огромным фонтаном. Это, так называемое лобное место, где власти проводили разные официальные мероприятия и празднества, окаймляли здания мэрии, Дома правительства, два православных храма, католический костёл и многоэтажная гостиница. Наш путь лежал к готической колокольне католического костёла. Влетев в звонницу, я со всего маха стукнулся головой о колокол, да так, что колокол зазвенел тревожным дребезжающим звуком.

– Тс-с! – воскликнул красавчик, приставив к губам палец. – Ты так переполошишь всех святых отцов.

По всей видимости, так оно и случилось. Мы услышали поднимающиеся шаги по лестнице, ведущей снизу на площадку звонницы.

– Чтобы нас не заметили, нам придётся стать тараканами, – воскликнул красавчик.

Не успел я ещё ему крикнуть, что тараканы вызывают во мне чувство брезгливости и омерзения, как ощутил, что лечу в бездну, хлопнувшись со всего маху своим телом о каменный пол звонницы. Вокруг себя я видел огромные стены, уходящие высоко ввысь к тёмному потолку, а рядом с собой обнаружил огромное чудовище в мой рост на шести лапа с длинными усам. Это чудовище пошевелило усам и сказала противным утробным голосом:

– Сейчас нас ни одна сволочь не обнаружит.

Только после этих слов я понял, что мы: я и мой напарник, превратились в тараканов.

– Боже праведный! – произнёс я, стараясь говорить, как можно тише. – Что же с нами случилось?

– Ничего страшного? – ответил тараканище. – Простая предосторожность. Но ты можешь не шептать, а говорить громко, всё равно нас никто не услышит.

На лестнице продолжали слышаться шаги, но на это раз они были намного громче и походили на удары в гигантский гонг. Я думал, что перепонки от этого грохота в моих ушах лопнут. В отблесках уличного света мы увидели, как из проёма в полу показалась огромная голова великанши в белом монашеском чепце, затем тоже белый огромный воротничок и чёрное платье невероятных размеров. Огромные ноги в туфлях ступили на каменные плитки пола. Мы и мой напарник забились по углам, чтобы нас не раздавили эти гигантские ноги.

– Что там, Марта? – послышался снизу громовой мужской голос.

– Никого нет, святой отец, – ответила Марта не менее громовым голосом, – может быть, звякнуло порывом ветра.

– Подожди, я сейчас сам поднимусь, проверю, – сказал голос снизу.

На лестнице опять послышались шаги. Мы продолжали с напарником сидеть по углам, затаив дыхание. На площадке места было не много, и мы боялись быть растоптанными этими гигантами.

Когда святой отец поднялся на звонницу, мы увидели, как этот огромный гигант в длинной чёрной сутане, подошёл к гигантше и обнял её за талию.

– Что вы делаете, святой отец? – молвила испуганно Марта, уже менее раскатистым голосом. – Это же тяжкий грех в кирхе придаваться такому блюду, приходите ко мне ночью в келью, как обычно, и мы при помощи молитв всё сладим, укротим вашу гипер-возбудимость.

– Марточка, ты меня возбуждаешь на колокольне, – грянул сверху глас человеческий, – мне и раньше хотелось затащить тебя сюда и принародно поставить к перилам.

– Вы говорите такое непотребное, что уши у меня сворачиваются в трубочку.

– Глупенькая, да это я взял в рот твоё ушко, красавица ты моя. Не сопротивляйся, всю равно, я тебя так просто отсюда не выпущу.

– А если услышат внизу?

– Никто не услышит, они так заняты диспутом, что если даже ты начнёшь стонать во весь голос, никто на твои стоны не обратит внимания.

Гигант стал своими огромными ручищами, поднимать ворох материи, похожий на театральный занавес, и нашему взору в блеклых отблесках ночного света предстала такая сцена, какую я никогда раньше не видел, и вряд ли ещё увижу. Вдруг я услышал рядом с собой утробный голос моего напарника:

– Нам нужно отсюда сматываться – делать ноги. А то, если он её повалит на пол, то уж точно, они нас раздавят. К тому же, я думаю, что нам будет не очень приятно смотреть, как гиганты занимаются половой любовью, у меня даже секс слонов вызывает отвращение.

В темноте кто-то потащил меня к проёму в полу звонницы. Спускаясь по лестнице, мы долго слушали, как наверху продолжают свой разговор два гиганта, занимающиеся любовью.

– А это совсем неплохо придумано отцом Игнацио – собрать вместе первосвященников всех конфессий на философский диспут, – говорила МАРТА, – я слышала, что отец Игнацио, будучи молодым, окончил иезуитский колледж, получил степень учёного и стал выдающимся ритором.

– Ещё бы, – молвил ей в ответ СВЯТОЙ ОТЕЦ, – это он разработал и детализировал теорию трёх кругов святой веры, которая потом была принята на вооружение Святейшим Папой, как один из догматов нашей Святой Церкви. По теории этих трёх кругов получается, что вокруг нашего Господа имеется первый сиятельный круг, в орбите которого вращается наша святая католическая церковь. Второй круг – менее светлый. В него входят православные и другие христиане. И третий круг тёмный, чуть подсвеченный мерцающим светом. В него входят все другие религии, которые допускают наличие единого Творца, но которые в своем понимании ещё не доросли до знаний нашего уровня...

Чем ниже мы спускались вниз по отвесной стене колокольной башни, тем светлее становились круги вокруг нас. Внизу лестница входила прямо в небольшую комнату, заваленную церковным хламом, где через открытую дверь слышались голоса дискутирующих святых отцов. По стене мы с напарником переползли в открытый зал с высоким потолком и готическими стрельчатыми окнами и по потолку направились к огромной свисающей вниз хрустальной люстре. Внизу под нами рядами стояли кресла, а на амвоне рядом с органом стоял епископ Его Есселензио святой отец Игнаций и отбивался от нападков представителей других церквей. Его план триумфа Святой католической церкви оборачивался пока что поражением для него.

По задумке святого отца Игнацио гости были рассажены таким образом, что все нечистые, по его мнению, а именно два раввина, мула, лама, кришнаит, даос и бонза сидели в одной половине зала по левую руку от него, а христиане: православные, лютеране и сектанты находились в другой половине по правую руку.

– Интересно знать, – сказал мне мой сотоварищ-таракан, уцепившийся лапками за потолок, – смогут ли они в таком составе доискаться до Истины. Посмотрим, каково придётся тому, который считает, что его вера основана на убеждении, что именно его церковь держит в своих руках ключи от враг небесных.

Так как мы с сотоварищем находились вниз головой, то нам все святые отцы казались сосульками и сталактитами, приросшими к потолку.

– Я думаю, что Латинская Церковь до сих пор оплакивает свою ближайшую союзницу Святую Инквизицию, которая добродетельно посылала таких, как мы, на костёр, – сказала одна свисающая сосулька, по-видимому, принадлежащая к протестантскому лагерю. – Но времена изменились, и мы можем свободно говорить то, за что нас в своё время подвесили бы на дыбы, или пытали бы раскаленным железом.

– Да уж со Святой Инквизицией мы бы не допустили такого распространения ереси по всей земле, – отбивался от него святой отец Игнацио. – Это только подумать, сколько заблуждающихся по вашей вине будут гореть в аду. И эти ереси плодятся каждый год, как грибы после дождя, из-за так называемой вашей свободы совести. Вы считаете, что вы держите в руках истину? Не истину вы держите, а фиг на постном масле, а ещё кошельки своих прихожан.

В это время слово взял буддист в жёлтом одеянии с открытой грудью.

– Нам бы не хотелось весь вечер слушать препирательство христиан. Вы могли бы выяснить свои отношения, собравшись отдельно от нас. Может быть, вы сообразовите выслушать и наше мнение об Истине.

– И какое же ваше мнение? – спросил его красный как рак отец Игнаций.

– Мне кажется, что есть только одна истина на Земле, и она неизменна. Она заключается в том, что нет никакой истины на земле.

– Как!?! – воскликнул отец Игнацио и другие святые отцы. – Вы считаете, что все мы заблуждаемся, и только вы обладаете этой Истиной.

– Я тоже не обладаю ею, – спокойно ответил монах. – Но что касается ваших заблуждений, то они очевидны. Человеческая мысль уже много тысячелетий ходит по кругу. Так или иначе, все мы копируем одни и те же прописанные нами же когда-то истины, которые ничего общего не имеют с небесными истинами. Все мы глубоко заблуждаемся и судим о небе и о других космических тайнах, исходя из своих человеческих мерок.

– Что вы имеете в виду? – запальчиво воскликнул отец Игнацио. – А то, что все наши заблуждения произошли от одного источника – семян Древнего Востока. Все наши символы и философские обоснования взяты из Индии, так или иначе, копированы и перенесены на нашу почву, на которой бурным цветом расцвели цветы нашей собственной философии. Но в основе-то всего этого лежит лишь одно: как трахнуть женщину и получить от неё ребёнка.

Это заявление вызвало среди присутствующих реакцию близкую к столбняку. Все сосульки и сталактиты на некоторое время превратились в соляные столбы.

– О чём вы говорите? Не забывайте, что вы произносите эти богохульные речи в моем храме. Постыдились бы! – вскричал бледный как смерть отец Игнацио.

– Как ни горестно это сознавать, – спокойно ответил ему буддийский монах, – но истина сейчас заключена именно в этом.

– Поясните свою мысль, – раздался с мест голоса нескольких сосулук.

– Я скажу вам, что всё эти семена происходят от трёх мистических букв: А У М.

– Вы, случайно, не из запрещённой секты Аум-сирикё Асахары? – спросил его отец Игнацио.

– Нет, – спокойно ответил ему буддийский монах и продолжил. – Я сейчас растолкую вам мою мысль. Эти три древние мистические буквы обозначают: ТВОРЕНИЕ, СОХРАНЕНИЕ и ПРЕОБРАЖЕНИЕ. Святые отцы католической церкви скопировали у браминов не только обрядность, но и все их символы веры, которые разбавили многими инновациями языческих культов, и выдали это за своё изобретение. Мы, конечно, понимаем, что на пустом месте не может ничего возникнуть, но выдавать свои убеждения как критерий истинности и правильности веры для всего человечества, это уже придел всякого нахальства.

– Это почему же? – искренне удивился отец Игнацио.

– Потому что и культ Троицы, и культ Девы Марии, матери маленького Иисуса, заимствованы из того же мистического слога АУМ, что означает: Творение – мужчину с его фаллосом, Сохранение – женщину с её вагиной, и Преобразование – рождение младенца. Как ни крути, а смысл данной формулы будет всегда одинаков. Можно, конечно, завуалировать его разными глубокими рассуждениями, одеть в роскошную мантию философии, напустить мистического тумана, но суть всего этого останется той же. Как бы мы с вами не старались придать этой формуле более отвлечённое значение, всё равно будет одно и то же: мужчина зажимает женщину, чтобы впустить в неё своё семя, с тем, чтобы родился ребёнок, продолжатель его рода. Вот и вся простая арифметика. Один плюс один получается ещё один, а иногда и два или три. Таков закон природы. А всё, что вокруг него, – домыслы.

– Но тогда, что такое Бог? – ошарашено воскликнул отец Игнацио.

– Этого нам не ведомо, – молвил монах и сел на своё место.

За время этой дискуссии мы доползли с сотоварищем до люстры и стали спускаться по цепи, удерживающую её на потолке.

– Вот, видишь, – сказал мне тараканище, – они даже не знают, что такое Бог, а создают свои религии и поклоняются неизвестно кому. Полетели отсюда. Я тебе покажу настоящие небеса и настоящую небесную жизнь. Но, прежде всего, ты должен оставить своего продолжателя на земле.

От ярких ламп люстры мне стало жарко, к тому же свет слепил глаза. Поэтому я не стал возражать. Единственно, что меня интересовало, это то, как мы выберемся из храма.

– Но мы же тараканы, – сказал я ему, – разве тараканы летают?

– Ты забываешь, кто я такой, и какими способностями обладаю, – воскликнул мой сотоварищ.

В следующую минуту мы уже превратились в ночных бабочек и кружили вокруг сияющей люстры. Пролетев через весь зал, где продолжали спорить святые отцы, мы вылетели в открытое готическое окно на улицу.

Вокруг нас ярко светили фонари и огни рекламы. Лёгкий ночной ветерок понёс нас на юг в сторону реки. Мы пролетели мимо Дома правительства и института иностранных языков, где всегда учились самые симпатичные девушки города. На крыше одного банка мы увидели двух грабителей, который с мешком денег пытались по веревке перебраться на крышу соседнего здания. На балконе пятого этажа одного дома мы увидели голого мужчину, притаившегося за перилами в страхе, что его вот-вот обнаружит неожиданно вернувшийся муж его любовницы. В окне другого дома мы узрели стоящем на подоконнике трёхлетнего голенького карапуза, который мочился прямо на голову своего брата, целующегося с девушкой у подъезда. А ещё через квартал перед нами предстал пьяница, карабкающийся по водосточной трубе в свою квартиру, откуда его выставила его разъярённая супруга. За этим домом высилась подобное океанскому лайнеру огромная сверкающая глыба здания гостиницы «Интурист», недалеко от которой находился мой дом.

– Давай снижаться, – крикнул мне порхающий рядом со мной мотылёк, – а то нас унесёт ветром в реку.

С большим трудом, преодолевая потоки воздуха, нам удалось снизиться над автомагистралью, проходящей вдоль набережной и бульвара. Когда мы уже были в нескольких метрах от шоссе, меня вдруг сбила стремительно несущаяся машина скорой помощи. Я кубарем покатился по дороге. Машина затормозила. Из неё сразу же выскочили водитель, врач и медсестра.

– Откуда он взялся?! – в ужасе воскликнул водитель. – Вы же сами видели, никого не было, и вдруг этот пешеход.

Но всю эту картину я как будто взирал со стороны. Врач с медсестрой наклонились над моим телом, прощупывая пульс и пытаясь меня привести в чувство. Потом они втроём погрузили меня на носилки и втиснули в машину, включив сирену, понеслись к клинике, которая находилась недалеко на этом же бульваре. На какой-то момент мне показалось, что я прозрел, и из окна скорой помощи увидел чугунную статую царя Александра III в казацком мундире, взирающего на восток, туда, куда уплывал я в полусознательном состоянии. Затем всё погрузилось во мрак.

Очнулся я от запаха нашатырного спирта. Кругом была темнота, и я вновь вспомнил, что я – слепой. Рядом со мной кто-то сидел.

– Где я, – спросил я слабым голосом.

– В университетской клинике, – ответил приятный женский голос.

– А как я сюда попал?

– Вас сбила скорая помощь. Но вы не волнуйтесь, у вас ничего не повреждено, небольшая гематома в области бедра и ушибы на руках и ногах. Сейчас мы уже знаем, кто вы. Но как вы

отважились на прогулку в такое позднее время, да ещё вдоль проезжей части магистрали, не обладая при этом зрением. Вы, и в самом деле, отважный человек?

– Вы полагаете, – слабо улыбнулся я.

Молодая женщина задержала дыхание, но потом, как бы набравшись смелости, обратилась ко мне:

– А можно вам задать вам один вопрос?

– Пожалуйста, – ответил я.

– Кто был тот симпатичный молодой человек, который оказался рядом с вами в тот момент, когда вас сбила наша машина? Он ваш родственник?

– Почему вы так думаете? – спросил я.

– Уж очень много он говорил о вас хорошего.

Я пожал плечами и ответил:

– Так один мой хороший знакомый.

– А как его зовут?

Но не мог же я признаться ей, что им был я, иначе бы меня сразу же перевели из травматологии в психушку, поэтому и сказал ей:

– Его зовут Красавчик.

– А он женатый человек?

– А почему вы меня спрашиваете?

– Когда мы укладывали вас в карету скорой помощи, он назначил мне свидание?

– Когда и где? – удивился я.

– Завтра вечером на том же месте, где вас сбила машина. Так вы не ответили на мой вопрос.

– Он холост как божий перст.

Я не знаю, почему я сделал такое сравнение, ничего более умного мне не пришло в голову. Медсестра тут же извинилась и, сославшись на неотложные дела, простилась и поспешила уйти.

Вот дела, – подумал я, оставшись один.

Я постарался вспомнить местонахождение университетской клиники, той самой, которую я видел, будучи летучей мышью, пролетая над ней. Я вспомнил операционную, где лежал разрезанный пациент у окна, и ещё один пациент, накрытый с головой белой простыней, в соседней комнате. Я вспомнил, что клиника находится на бульваре не очень далеко от моего дома, если прямо идти по прямой линии по этой самой дороге, где меня сбила машина, и никуда не сворачивать, то можно довольно просто найти мой дом. В больнице мне оставаться не хотелось. Я также попытался вспомнить образ той медсестры, которая хлопотала возле меня, когда я, не отошедший ещё от превращения в чёрную бабочку, лежал возле скорой помощи. И вдруг я вспомнил, что у неё были светлые волосы, стройная фигура, большие голубые глаза и красивые руки. Вероятно, поэтому мой красавчик запал на неё, – подумал я, – и даже успел в этой суматохе назначить ей свидание. Интересно, – опять я подумал немного позже, – как он пойдёт к ней на свидание без меня?

Ощупав своё тело, я почувствовал боль в бедре. Колено правой ноги и локоть левой руки были перевязаны. На лбу к ссадине был приклеен пластырь. Ощупью я нашарил свою одежду, уложенную на спинке стула, оделся. Тут же возле кровати стояли ботинки и тросточка. Приведя себя в надлежащий вид, я встал с кровати и при помощи трости попытался определить свое местоположение в помещении. И тут я вспомнил о совете красавчика, стоило мне четыре раза стукнуть тростью о пол, и он мог появиться и помочь мне выбраться из больницы.

Я так и сделал, и тут же увидел перед собой красавчика во всём его великолепии, который с упрёком сказал мне:

– Ну, и странную фамилию ты мне придумал. Значит, по-твоему, я как лошадь называюсь Красавчиком?

– А как мне нужно было тебя назвать?

– У меня нет названия, потому что я твой дух. Дух вечный и свободный, который ни к чему не привязывается, а поэтому не имеет никакого имени. Просто я временно живу в твоём теле. Да, временно я к тебе привязан, но настанет пора, и я покину твою брентную оболочку. Кем я буду потом – это покажет время. Но я бы не хотел, чтобы мне давали имена. Имя преходяще, я же вечен.

– Но как я должен был назвать тебя медсестре?

– Назвал бы своим именем.

– И попал бы прямой дорогой в дом умалишённых. Она знала уже моё имя. Зачем ты назначил ей свидание?

– Я не назначал ей никакого свидания, – нахально заявил красавчик, – это ты сам в бреду попросил с ней встречи на следующий вечер на том же месте, где тебя сбила машина. Я это слышал своими собственными ушами.

Я задохнулся от такой наглости, и какое-то время не мог вымолвить ни слова. Но затем я взял себя в руки и довольно спокойным тоном заметил ему:

– А вот она утверждала, что это ты добивался с ней встречи, и описала тебя как симпатичного молодого человека.

Красавчик не стал со мной спорить, а лишь заметил:

– Она просто ошиблась. Но если ты хочешь, мы можем отправиться к ней на свидание вдвоём.

– В данный момент я хотел бы выбраться из этой больницы, – раздражённо сказал ему я.

Пока мы с ним разговаривали, ко мне опять вернулось моё внутреннее зрение. Я уже чётко видел очертание стен палаты приёмного покоя, хотя свет в комнате был потушен. С улицы в окно проникал свет уличных фонарей. Кроме моей кровати в комнате стояла ещё одна застеленная кровать, а также две тумбочки и два стула. Я подошел к двери, но дверь оказалась запертой снаружи.

– Как же мы отсюда выберемся, – спросил я у красавчика.

– Ты, наверное, опять забыл, что я обладаю экстраординарными способностями, – молвил он. – Ты же видишь, что форточка открыта. Этого нам вполне достаточно, чтобы выбраться отсюда. Кем ты хочешь стать на этот раз?

– Как будто раньше ты меня спрашивал, кем я хочу стать, превращая меня в таракана, – буркнул я недовольным голосом.

– Раньше всё происходило сообразно ситуации, – ответил он. – Но если ты не возражаешь, то мы отправимся из больницы в образе сов.

Не успел я ещё ему ответить, как какой-то неведомой силой меня понесло прямо в форточку, и я оказался на улице. Взмыв в небо, я опять оказался рядом с моим напарником, летящим в образе совы. Мы пролетели над корпусами медицинского института, где студенты упражнялись в искусстве хирургии на трупах. Затем мы летели над стадионом, по дорожкам которого всё ещё продолжал свой бег будущий чемпион. Наш полёт проходил также над театром, в котором артисты бурно отмечали премьеру спектакля, и чья вечеринка превращалась в настоящую порнуху. И, наконец, мы приближались к ресторану, где всё ещё продолжалась пьянка.

– Куда мы летим? – воскликнул я встревожено.

– В ресторан, – ответила мне пучеглазая птица.

– Но я хочу домой, – сказал я ему.

– А я хочу подкрепиться. Залетим только на минутку. Не пожалеешь.

Мне ничего не оставалось делать, как подчиниться его настырному требованию. Мы спустились к входу в ресторан. Как только наши ноги коснулись земли, мы вновь приняли человеческий облик. Красавчик остался таким же неотразимым красавчиком, а я – самим собой.

Швейцар услужливо открыл двери перед ним и, как мне показалось, с недоверием и несколько презрительно покосился на меня.

В ресторане дым стоял коромыслом. Посетители курили сигареты, на небольшой сцене играл джазовый оркестр. Несколько пар танцевало в середине зала. Метрдотель проводил нас к маленькому столику на двоих, стоящему у стены, и тут же подбежал официант и каждому из нас протянул меню. Красавчик, раскрыв меню, попросил меня:

– Закажи всё, что твоей душе угодно.

– На какие шиши? У меня даже кошелька с собой нет, – заметил я ему.

– Об этом не думай. Я оплачу всё. Организуем сегодня праздник для души.

– У тебя есть деньги? – удивился я.

– Деньги – понятие преходящее, – ответил он и, захлопнув меню, заказал официанту самые дорогие кушанья и вина, имевшиеся в ресторане.

Официант ушёл. Красавчик окинул взглядом победителя зал и спросил меня:

– Скажи, какая из этих девушек тебе нравится более всего?

Я посмотрел в зал и заметил:

– Так все девушки заняты. Они с парнями.

– Это тебя не должно волновать.

– Как это? – удивился я.

– Я всё улажу. Ты только скажи мне, кто тебе понравился.

Я ещё раз окинул взором зал. Моё внимание привлекла девушка писаной красоты, сидящая за столом с подругой и тремя парнями.

– Ну, если хочешь знать, то больше всего мне нравится вон та, и я показал кивком головы на девушку.

– Губа не дура, – засмеявшись, воскликнул Красавчик. – На твоём месте я бы выбрал именно её, так что наши вкусы с тобой совпадают. – И это ничего, что она сидит рядом с самым опасным в городе мафиози, который нежно ухаживает за ней и желает на ней жениться. Кстати, этот мафиози перетрахал в городе всех девушек, а её не тронул. Потому что она девственница. И он решил с ней начать половую жизнь после свадьбы. Похвальное решение, которое в наше время встречается редко, тем более у таких мафиози.

Я ещё раз боязливо посмотрел в их сторону. И мне показался парень, сидящей рядом с ней с вульгарной наружностью, настоящим злодеем.

– Удивительно, – заметил я, – неужели такая видная девушка может полюбить такого парня?

– Она его и не любит, – ответил красавчик. – Просто она его боится, и ничего не может сделать в этой ситуации. При таком обожателе ей сложно найти защитника. Уж такая у неё судьба.

Мне стало жаль эту девушку.

К нам подошёл официант с подносом, полным закусок и бутылок вина и стал ими заставлять наш столик. Затем налил вино в наши бокалы и пожелал приятно провести время. Когда он отошёл от нас, красавчик жадно набросился на выставленные на столе деликатесы. Я же стал потягивать из бокала вино с утончённым ароматом и вкусом.

– Ты хотел бы её трахнуть? – вдруг спросил меня красавчик.

– Что ты такое говоришь?! – ужаснулся я, с опаской посмотрев в сторону их стола.

– Я думаю, что в отместку своему жениху она переспала бы сейчас с любым, настолько она его ненавидит.

– Откуда ты это знаешь? – удивился я.

– Я знаю всё, – заявил он безапелляционно и продолжил. – Стоит мне на неё дыхнуть, и она пойдёт с тобой на край света.

– Не верю, – твёрдо заявил я.

– Хочешь убедиться в правдивости моих слов?

Я ничего ему не ответил, а только пожал плечами.

– Тогда вот что сделаем, – сказал он, – через некоторое время ты пойдёшь в туалет, закроешься в одной из кабинок и подождёшь. Откроешь дверцу, когда тебе постучат четыре раза.

– И что произойдёт?

– К тебе придёт она и подарит тебе свою девственность.

– Рассказывай сказки.

Красавчик улыбнулся и заметил:

– Мне нравится, что ты перешёл со мной на «ты». Это говорит о том, что мы с тобой подружились, и будем отныне жить душа в душу. Так что, всё сладим. А если ты не веришь моим словам, то можем на что-нибудь поспорить.

– Я не имею такой привычки с кем-то спорить, – сухо заметил я. – Но ты хочешь проверить истинность моих слов?

Не знаю, что произошло со мной в эту минуту. Может быть, я слишком много выпил вина, но я вдруг согласился.

– Ты сделаешь всё, как мы договорились? – спросил он меня, как бы пытаясь убедиться в моей решимости.

– Постараюсь, – смело заявил я.

– Ты уж постарайся, не подведи меня. И если девушка придёт к тебе, несмотря на свой животный страх, то дай ей то, что она хочет. Будь джентльменом. Иначе ты поступишь как самая последняя скотина. И она тебя возненавидит на всё жизнь.

Кивнув ему, я опустил голову.

И тут произошло невероятное чудо. Красавчик поднял руки и ударил в ладоши. В то же самое мгновение в зале установилась гробовая тишина. Я поднял голову и увидел, что всё замерло на своих местах. Люди, сидящие за столами и непринуждённо болтающие, официанты с подносами, спешащие выполнить заказы клиентов, танцующие и обнимающиеся пары, и даже дым, поднимающийся от сигарет – всё застыло, как будто кто-то невидимый сделал со всей этой сцены мгновенный снимок. Время остановилось.

Я, ошарашенный, перевёл взгляд на красавчика. Тот подмигнул мне, встал и направился к столу, где сидела девушка. Бесцеремонно выпотрошив карманы троих бандитов, он забрал все их деньги из кошельков и, дыхнув на девушку, вернулся на своё место. Как только он сел, всё вокруг вновь пришло в движение.

– Что ты сделал? – ужаснулся я. – Ты же забрал деньги у бандитов.

– Экспроприация экспроприаторов, – улыбнувшись, молвил красавчик, бросая на столик ассигнации, – этого хватит, чтобы с лихвой оплатить наш ужин. Я думаю, что это справедливо. Через несколько часов их карманы опять наполнятся деньгами. Так что деньги для них особой ценности не имеют, также как чужие и свои жизни. Всё равно через два дня их всех перестреляет другая соперничающая банда.

– Откуда ты это знаешь? – удивился я.

– Я всё знаю, – ответил он.

– А девушка? – со страхом спросил я, посмотрев в её сторону.

– А что девушка? – молвил красавчик. – Девушка будет жить, и радоваться жизни. Тем более что она, наконец-то, станет свободной.

В это время девушка повернулась и посмотрела в мою сторону долгим пристальным взглядом. Я смутился и потупил взор.

– Вот видишь, – сказал Красавчик, – она уже и глаз на тебя положила. Тебе пора идти в туалет.

Меня охватила робость.

– Может быть, не стоит этого делать? – выдавил я из себя.

– Как это не стоит?! – возмутился Красавчик. – Машина уже запущена. Хочешь ты этого или нет, она сама подойдёт к тебе и отдастся на глазах у всех. Ты же не хочешь, чтобы здесь возник скандал, да ещё со стрельбой.

Я опустил голову.

– А ну, марш в туалет, живо, – приказал он мне.

Я нехотя поплёлся в мужской туалет. Там никого не было. Как только я закрылся в кабинке, то тут же услышал стук каблучков по кафелю. Кто-то подошёл к дверце моей кабинки и постучал четыре раза. Я распахнул дверцу и увидел её. Она тут же заскочила в кабинку и захлопнула за собой дверцу.

– Времени мало, – сказала она своим ангельским голосом, – но не спеши и постарайся сделать всё не очень больно. Ты у меня первый.

Я обнял её и поцеловал в губы. Она ослабила узел моего галстука, расстегнула пуговицы на рубашке и просунула свою узкую ладонь мне на грудь. По всему моему телу разлилось тепло. Затем она стала расстегивать ширинку моих брюк. Я неистово заключил её в объятия и почти в беспамятстве проделал с ней всё, что всегда проделывал с женщинами, но на этот раз я испытывал то редкое блаженство, которое человек испытывает, вероятно, только в раю. К моему изумлению, ей тоже было приятно соитие со мной, потому что она, через некоторое время застонала. Когда мы кончили насыщаться друг другом, я увидел на своих брюках кровь. Кровь была и на подоле её платья. Вначале я испугался от мысли, что в тесной кабинке мог нечаянно поранить её, но потом вспомнил, что так бывает, когда девушка теряет свою невинность. В туалете всё ещё никого не было. Я вышел из кабинки, увлекая её к рукомойнику, открыл кран и смоченным платком стал оттирать на подоле её платья пятнышко крови.

– Оставь это, – сказала она, – я сама приведу себя в порядок. Лучше с себя сотри кровь.

Я не успел ей ответить, как распахнулась дверь, и в туалет ворвался её жених. Искры посыпались из моих глаз, и я опять погрузился во мрак.

Когда я очнулся, кругом была темнота. Вверху над собой я услышал голоса. Говорила девушка, та самая, с которой у меня только что была близость. Во всяком случае, голос принадлежал ей.

– Ну, что ты наделал? Ты только что убил человека. Эти твои звериные выходки меня уже доконали.

По-видимому, ей отвечал её разъярённый жених.

– Но почему он щупал твои колени? Кто он? И как ты здесь очутилась, в мужском туалете? И откуда эта кровь?

– Ты разве не видишь, человеку стала плохо. Я нашла его возле туалета в обмороке. Вначале я подумала, что он пьяный, но он слабо стонал. Я привела его немного в чувства, и решила смочить ему голову и обработать рану. Видишь, у него пластырь на лбу.

– Ты что? Дура? Не могла позвать официанта? – орал на неё жених. – Я же тебе запретил прикасаться к какому-либо мужчине!

– В таких случаях и минута промедления бывает подобна смерти, – оправдывалась девушка.

– А где ты взяла пластырь?

– Нашла в его кармане, – соврала девушка.

– Как? Ты лазила по его карманам?

– У таких людей всегда лежит в кармане лекарство или записка, разъясняющая, что нужно делать в таких случаях.

– А что он делал у твоих ног?

– Он пытался платком стереть с подола свою кровь, но я ему сказала, что сама её ототру, и чтобы он лучше позаботился о себе.

– Это я слышал, – заявил парень, – тебя долго не было, я забеспокоился и решил проверить, что с тобой случилось. Когда я стоял возле женского туалета, то и услышал твой голос и очень удивился, что ты с кем-то разговариваешь в мужском туалете.

– Я тебя понимаю, – спокойно ответила девушка. – Но ты разве не видишь, что я должна была оказать ему первую медицинскую помощь. И вот чем это закончилось. Человек лежит без движения и не подаёт признаков жизни. И всё это по твоей вине.

Жених ничего не ответил. Я слышал только его тяжёлое сопение.

– А вдруг ты его убил, что тогда?

– Убил, так убил, – зло заявил бандит. – Значит, ему туда и дорога?

– Куда дорога? – не поняла девушка.

– На тот свет. Дура.

– Какой ты кровожадный. А ещё хочешь быть моим мужем.

– И буду, – нагло заявил жених. – И ты ничего не сможешь сделать, чтобы не стать моей женой.

Я пошевелил головой и ощутил резкую боль в затылке.

– Видишь, жив твой пациент, – зло заметил парень. – Очухается.

– Ему надо бы оказать какую-то помощь.

– Ты уже оказала ему помощь. Если ещё раз прикоснёшься к нему, то я его прикончу. Пошли. Это уже не твоя забота.

Шаги затихли, и я остался один. Поднявшись с кафельного пола, я ощупью нашёл раковину и открыл холодную воду. На лице я ощутил липкую жидкость и понял, что это кровь. Смочив руки, я стал омыwać лицо. В это время я услышал, как хлопнула дверь туалета, и на кафеле гулко отпечатались торопливые шаги, направляющиеся ко мне. Тут же я услышал за спиной голос красавчика:

– Извини, старина, – суетливо заговорил он. – Признаю, это моя вина, не углядел. И в нашем деле случаются промахи. Пока ты занимался с этой девчонкой, я присмотрел ещё одну в зале и пригласил её на танец, да заболтался с ней. Увлёкся, сам понимаешь, а когда увидел того женишка с невестой, сразу же смекнул, дело не ладное, что я дал осечку. Вот так всегда бывает: погонишься за двумя зайцами и не одного не поймаешь. А можешь нарваться и на скандал. Он что же, тебя побил?

– А ты разве не видишь? – с раздражением заметил я.

– Ты должен радоваться, что этот бандит, вообще, тебя не прикончил, – пытался ободрить меня Красавчик.

– А он как раз и собирался это сделать, да девушка ему помешала.

– Вот видишь, – уцепился он за мои слова, – по-видимому, девушка и впрямь в тебя втюрилась.

Пока я с ним разговаривал, ко мне опять начало возвращаться внутренне зрение. И я впервые за двадцать лет увидел своё лицо в зеркале. Как-то до этого я ни разу не удосужился посмотреть на свое отражение. За эти двадцать лет моей слепоты я заметно постарел. На меня смотрело совсем чужое лицо. Лысый череп окаймляли по краям жиденькие волосики. Левый глаз заплыл, а из опухшего разбитого носа сочилась полоска крови. На щеках выступила щетина. Моё лицо мне самому внушало отвращение.

– Да уж кого здесь любить, – вздохнул я, прижимая к переносице смоченный в холодной воде платок. – Такую рожу только и показывать на аттракционе ужасов.

– Ну, не скажи, – возразил красавчик. – Ты – мужчина, хоть куда. К тому же, такой начитанный и образованный. Чаще всего женщина любит мужчину не за красоту, а за ум.

– Что-то я не заметил, чтобы у неё было время оценить мой ум. И как ты всё это провернул, ума не приложу, что ей приглянулась такая противная харя.

– Э-э! – воскликнул красавчик. – Да я вижу, ты совсем не знаешь женщин, хотя и считаешь себя хорошим психологом. Хочешь, открою тебе секрет, почему она с тобой удалась в кабинет?

– Ну, сделай милость.

– Когда она положила на тебя глаз, то решила проверить, пойдёшь ты с ней на сближение или нет. Потому что все другие парни боятся её жениха как огня. А она уже давно решила наставить ему рога. Этому своему ненавистному женишку. А ты проявил смелость. Я бы даже сказал, бесстрашие и завоевал её уважение. И она вознаградила тебя за твою храбрость. Пойми, что не каждая женщина любит, чтобы ею распоряжались как своей вещью. Более того, ты заронил в её душу искру, из которой может разгореться пламенная любовь. Тем более что ты для неё останешься на всю жизнь её первым мужчиной. А первого мужчину женщина помнит до самой смерти, а иногда даже сохраняет ему верность.

– Не верю я тебе, – покачал я головой.

– А зря. Ну да ладно, когда-нибудь ты это поймёшь. А сейчас нам нужно отсюда сматываться – делать ноги. Я думаю, что возвращаться нам в зал нецелесообразно. Не будем усугублять ситуацию. За ужин я деньги оставил на столе, так что швейцар нас выпустит. Твою трость я захватил с собой. Пройдём к выходу боковым залом, чтобы не привлекать к себе внимания. Я тебя провожу до дома.

Я застегнул пуговку воротника, забрызганного кровью, поправил галстук, привёл, как мог, свой новый костюм в порядок, взял тросточку, и мы направились боковым залом к выходу. Красавчик отдал все оставшиеся бандитские деньги швейцару на чай. Мы вышли на улицу.

Стояла глубокая ночь. Высоко в небе, затмевая своим светом звёзды, сияла яркая полная луна. Но, несмотря на поздний час, в небольшом скверике, примыкающим к ресторану, под фонарями целовались влюблённые, на скамейках бездомные устраивались на ночлег, редкие прохожие спешили домой. А по улицам проносились последние машины с включёнными фарами, чтобы застыть в своих гаражах до появления первых лучей утреннего солнца.

– Только без превращений, – были мои первые слова, когда мы с красавчиком оказались на улице. – Хватит с меня ночных полётов через весь город. У меня уже от них голова кружится. А то я начну плевать прямо на головы прохожих. К тому же я чертовски устал и хочу спать.

– Не возражаю, – ответил красавчик, – мы можем пройти пешком по набережной.

Мы прошли скверик, в центре которого стоял огромный памятник вождя мирового пролетариата с выброшенной рукой на запад, и, повернув к реке, вышли на набережную, где стояла статуя царя Александра III в казачьем мундире. Великий царь по-прежнему грозно взирал на восток.

– И всё же мне не понятно, – сказал я после некоторого молчания, – почему эта девушка вдруг отдалась так просто первому встречному – поперечному. Здесь, наверняка, не обошлось без колдовства.

Мой напарник рассмеялся.

– Да, было такое дело, – признался он. – Не случайно же я дыхнул ей в затылок. Но ты не расстраивайся. Не ты первый, не ты последний. Еще в средние века католические священники очаровывали молоденьких девушек своим дыханием, после чего те беременели, как от святого духа. Могу рассказать тебе несколько случаев. Так, например, один кюре из Пейфана посредством колдовства обесчестил одну уважаемую и добродетельную матрону Дам де Лье, за что бы приговорён парламентом Гренобля к сожжению живьём. Другой священник по имени Гауфрид в 1611 году был сожжен парламентом Прованса за совращение в исповедальне кающейся Магдалины мадмуазель де ля Палю, как говорилось в документах, «путём дыхания на неё и погружением в транс». А в 1731 году иезуитский священник отец Жирар при помощи колдовства склонил к сожительству прихожанку девицу Катрин Кадье из Тулона. Мадмуазель Кадье была молоденькой девушкой и отличалась особой красотой, набожностью и своим доб-

родетельным поведением. В своих мыслях она с детства тянулась к церкви, что её и погубило. Кончилось всё тем, что отец Жирар её обесчестил, но вначале довёл до такого состояния, что у неё случались экстатические видения религиозного характера, на руках и ногах образовались стигматы и знаки крови «Страстей», а сама она заходила в истерических конвульсиях. Священника приговорили к сожжению, но Общество Христа выкупило преступника, заплатив свидетелям на суде более миллиона франков. Но тебе-то бояться нечего. Если за эти два дня тебя не убьёт жених, то его самого укокошат в перестрелке.

– Спасибо, что успокоил, – сухо пробормотал я.

В это время мы подходили к моему дому.

– Ну что же, – воскликнул Красавчик. – Не смею быть навязчивым. А за сим, приношу свои извинения, если что не так. И спешу откланяться, пожелав моему лучшему другу спокойной ночи.

Красавчик сделал несколько поклонов, шаркая ножкой, и исчез. Но перед тем как исчезнуть, он мне всё же напомнил:

– Не забудь, что вечером ты назначил свидание медсестре.

В то же самое время всё погрузилось в темноту, как будто кто-то там наверху отключил общий рубильник. Усталый и побитый ошупью я добрался до своей квартиры на пятом этаже, открыл двери ключом, прошёл в свою комнату, повалился на кровать и уснул сном убитого. Вот так я провёл эту ночь. Ты, конечно, можешь мне не верить, но посмотри на мой заплывший глаз и на пластырь на лбу. Не мог же я сам себя так разукрасит, ради этого рассказа?

Так говорил мне мой слепой хозяин. Я ему ничего не ответил, даже не тявкнул. Тогда он мне показал на свой припухший глаз и пластырь. Я повернулся и пошёл в свой угол.

После всех своих ночных приключений мой слепой хозяин спал ещё полдня. Он заснул сразу же, как рассказал мне свою историю. Видно, его возбуждение после рассказа прошло, а рассказ утомил. Я же провёл эти полдня в комнате его сына и записал на компьютере всё, что он мне поведал.

Когда он проснулся уже окончательно, за окном шумел город всей своей полнокровной жизнью. Птицы щебетали на деревьях в парке. По набережной магистрали проносились машины, шурша шинами по асфальту. Доносилась стрекотание газонокосилки, подстригающей траву. Недалеко от дома во дворе детского садика детишки резвились и орали всевозможными голосами. Одним словом, бодрствующий город как всегда не мог обходиться без своего вечного шума, гама и толкотни.

Он сидел некоторое время на кровати и вдруг понял, что всю ночь проспал, не снимая костюма. Ошупывая руками своё тело и лицо, он морщился от боли. Как видно, у него болело бедро, а также локоть и колено. Его нос был заложен, и он несколько раз пытался его прочистить. Его левый глаз заплыл. Настроение, видно, было у него плохое. Со мной он не разговаривал. Нашупав на ночном столике часы, поднял стекло циферблата и определил положение стрелок, и, вероятно, очень удивился, так как заторопился, встав с кровати, и прошёл в туалет. Вся та история показалась мне невероятной. Если бы не явные признаки избиения на его лице, то я бы принял его за лгуна. Но что мне показалось странным, так это то, что я не слышал его ухода из квартиры и появления. Как будто я сам спал мертвецким сном. Он утверждал, что все его вчерашнее приключение ему не приснилось, и что всё, пережитое им ночью, являлось не чем иным, как самой реальностью. Но как можно было поверить, что только за одну ночь он овладел самой красивой девушкой города, при этом побывав в образе летучей мыши, таракана, мотылька и совы на тайном диспуте святых отцов, в больнице, в ресторане и, Бог весть ещё где. При этом его успела сбить машина, и нокаутировал мафиози. Нет. Такие приключения можно пережить только во сне. Но от чего же у него раны?

В ванной он, осторожно протирая лицо мокрым полотенцем, вероятно, думал о том, как можно проверить то, что с ним произошло накануне. Поэтому, умывшись, он переоделся в свою будничную одежду и вышел из дома, не сказав мне ни слова.

Меня он с собой не взял, и я остался дома предоставленный самому себе. Появился он уже вечером, но, не говоря ни слова мне, запер в комнате своего сына. Через дверь я слышал какие-то голоса. Кажется, один голос принадлежал женщине. Вероятно, он принимал этой ночью гостей, и выпустил меня только утром, когда уже в квартире никого не было. Настояние у него утром было благодушное. Он пытался со мной шутить, но я никак не реагировал, всем своим видом показывая ему, что сердит на него. Вчера он даже не удосужился меня покормить. Поэтому он, как видно, раскаявшись, рассказал мне всё, что с ним произошло.

Второй рассказ хозяина

Вчера, когда я вышел из дома, то сразу же направился в школу. Уроки в школе уже закончились, но детишки ещё галдели на школьном дворе и в вестибюле. Некоторые старшеклассники ещё не забыли меня с тех пор, когда я им преподавал историю, и здоровались со мной. Я поднялся на второй этаж и постучал в кабинет физики. Василий Антонович, впустив меня к себе, удивлённо воскликнул:

– Это кто же тебя так разукрасил?

– А что? Заметно? – спросил я.

– Ещё как, – ответил он. – Кто-то очень хорошо поработал кулаками над твоей физиономией.

– Ты же знаешь, – заметил я ему, что я – слепой, и не могу видеть своего отражения в зеркале. Неужели моё лицо так опухло? Впрочем, вчера я впервые увидел своё лицо в зеркале и очень удивился, что так постарел.

– Так кто эта сволочь, которая тебя избил? – с возмущением спросил Василий Антонович. – Ты знаешь, кто это сделал?

– Да, – ответил я. – Один мафиози. Местный городской авторитет. Отпечатал свой кулак на моей физиономии в ресторане.

– А что тебя понесло в ресторан? Он, что же, не видел, что ты слепой?

– Нет, не видел. А в ресторан меня потащил мой ночной гость.

– Так за что он тебя избил?

– По недоразумению.

– Ты, наверное, подвернулся ему под руку в драке? – сделал предположение Василий Антонович.

– Так оно и случилось, – поспешно согласиться я.

– Значит, опять появлялся твой эзотерический покровитель? – спросил учитель, усаживая меня на стул.

Я вкратце рассказал ему, что приключилось со мной этой ночью, утаив некоторые факты и подробности. Естественно, что я и словом не обмолвился о моём любовном походе. После моего рассказа Василий Антонович некоторое время ходил по своему кабинету в задумчивости, роняя такие реплики как «забавно», «невероятно», «удивительно». Затем, сев напротив меня и вытянул ноги так, что я слышал хруст в чашечках его колен, он молвил:

– Ты рассказываешь мне занятную историю. О таких чудесах не прочитаешь ни в каких книгах: ни в художественных, ни в научных. После занятий с учениками у меня и так голова идёт кругом от разных их вопросов. И вот что я заметил. Удивительно то, что чем младше ребёнок, тем интереснее вопросы он мне задаёт. Их восприятие мира, как я понял, ещё не задурманено нашей учёностью, и они видят мир совсем по-другому, не так, как видим его мы, взрослые. Не знаю, может быть, в глубине их сознания сохранились ещё воспоминания о прежних жизнях, о странствии их душ в небесном эфире. Ты даже не представляешь, сколько в их маленьких головках таится фантазии. Многие учителя их за это наказывают, пытаются навязать свою научную систему знаний, которая никак не может ужиться с их буйной фантазией. Иногда мне приходит в голову мысль: а, может быть, нам совсем не надо учить их, а нужно прислушиваться к ним, и учиться у них. Часто мы сами, как слепые, проходим мимо очевидных истин и явлений, не замечая их. Наш ум зашорен нашей учёностью, и уже ничего не воспринимает из того, что не укладывается в систему наших знаний. В этом сокрыт весь парадокс нашей образованности.

Он опять встал, подошёл к окну и распахнул его. С улицы ворвались детские голоса, крики, шум игр и толкотни во дворе. Лаборатория сразу же наполнилась жизнью и движением.

– Вот видишь, какие они активные, – произнёс Василий Антонович, наблюдая за ними, – Для них открыт ещё мир. Они могут воспринимать всё. Это для нас он захлопнулся как мышеловка. Мы находимся в нашей клетке, в этих сетях, сотканных их нитей наших заблуждений, ничего не видя, ничего ни зная, ничего ни понимая, и не имея ни малейшего представления о том, что творится в мире. Ты просишь меня помочь разобраться в том, что с тобой происходит. Я могу тебе наговорить кучу всякой глупости, стараясь объяснить феномен, которому, признаюсь, не могу найти объяснение. Я понимаю, что тебе нужно разобраться в этих хитросплетениях тайны, разгадка которой не под силу человеческому разуму. И от этой непосильной задачи можно сойти с ума. Единственное, что я могу тебе посоветовать, это идти в поиске ответов по проторённому человечеством пути – в науке, религии, философии. Как видишь, представляя собой науку, я уже расписался в полном своём бессилии. Моих знаний не хватает, чтобы охватить разумом этот феномен. Попробуй найти учёных более изощрённых в науках, чем я. Затем попытай счастья у священнослужителей. Я думаю, что иногда нужно прислушиваться и к их мнению. И в конце своих поисков сойдись с философами, которые могут открыть тебе глаза на многие вещи. Вот всё, что я могу тебе посоветовать.

С этими словами Василий Антонович закрыл окно и бесцеремонно сообщил мне:

– Ну, а сейчас мне пора заниматься своими делами. Извини, но у меня не очень много времени. Жизнь коротка, а путь к истине долог. Я и так очень много времени трачу на своих оболтусов. Если я не буду бережно относиться к своему времени, то, вряд ли сделаю мировое открытие.

С этими словами он взял меня за руку и выставил за дверь как школяра.

Спустившись во двор, я сел на скамейку возле баскетбольной площадки. Осеннее солнце припекало всё ещё по-летнему. Мне было приятно слушать детей и ощущать себя в центре движения. Слушая их голоса, я старался представить, кому они могли принадлежать. На площадке играли как мальчики, так и девочки. Их возраста я определить не мог, но через некоторое время уже имел представление обо всех участниках игры. Двое мальчиков не играли, а, сидя недалеко от меня, вели беседу. Один из них говорил другому:

– Ты представляешь, что вчера учудил мой маленький братец? Когда я вечером целовался с Маринкой возле нашего подъезда, он забрался на подоконник и с пятого этажа стал поливать нас как из шланга. Вначале я подумал, что начался дождь. Посмотрел вверх, а он мне прямо в глаза. Я так разозлился, что готов был его убить.

– Зачем он это сделал?

– Я его потом тоже об этом спросил. И знаешь, что он мне ответил? Он мне говорит: «Тебе ещё рано таскаться по бабам». Это он мне говорит такое. Каков наглец, а ведь ему всего три года. Представляешь, что из него вырастет?

– У меня сестра такая же, – сочувственно молвил другой мальчик. – Иногда она выдаёт мне такие вещи, что глаза лезут на лоб. Недавно она сказала, что я стал совсем дураком и уже ничего не понимаю.

– В чём не понимаешь-то? – спросил его товарищ.

– А чёрт её знает, что она имела в виду. Наверное, считает, что я ничего не понимаю в жизни. Представляешь? А она ходит ещё в детский сад.

– И братишку я отвожу каждое утро в сад.

– Тоже мне умники! Так они, может быть, ходят в одну группу и знают друг друга.

– Всё может быть, – согласился с ним товарищ. – Только я своего не вожу в садик. По утрам у меня спортивная секция, а вечером его забирают родители.

В это время, судя по шуму, на площадке разгоралось нешуточное соперничество.

– Куда подаёшь мяч, – орала девочка. – Неужели ты не видишь, что там никого нет. Или ты пустоту принимаешь за меня?

– Руки нужно иметь, а не крюки, – орал ей в ответ мальчишеский голос. – Ты двигалась бы побыстрее, а то стоишь как колода. Из-за тебя мы сейчас матч продумем.

– А ты смотри, куда бросаешь. Не можешь сам попасть в кольцо, то отдай другому, но так, чтобы он поймал мяч. У тебя, наверно, с координацией проблемы.

– У тебя у самой с координацией проблемы. Ползаешь как сонная муха. На, лови.

Со всего маха я получил в лицо такой удар мячом, что слетел со скамейки.

– Ну, вот! – закричала девочка, опять промазал. Полодырый. А ещё считает себя снайпером стрельбы по тарелочкам. Мяч в руки дать не может. Куда уж тебе в тарелочку попасть!

– Да я сейчас тебя вместо тарелочки расшибу! – орал мальчуган.

Я, поднявшись с земли, подобрал свою тросточку и поспешил покинуть опасное поле битвы. Мяч прилетел мне прямо в глаз, веко и щека заболели ещё сильнее.

Перейдя дорогу, я удалился от школы и направился к набережной. Где-то недалеко в этом районе меня вчера сшибла скорая помощь. Подойдя к автомагистрали, за которой тянулась парковая зона и набережная, я поднял тросточку и двинулся вперёд, пересекая шоссе полотно. Обычно в этом месте водители машин, видя слепых, притормаживали и уступали дорогу. На обочине висел знак, предохраняющий нас. Перебравшись на другую сторону, я направился к давно облюбованной скамейке в тени раскидистого дерева.

Подойдя к ней, я почувствовал, что там уже кто-то сидит.

– Есть кто-то здесь? – спросил я.

И услышал в ответ:

– Никого здесь нет. Садитесь.

– А вы кто? – удивился я.

И опять услышал в ответ:

– Никто.

– Но вы же разговариваете со мной? – заметил я.

– Это ничего не значит, – был ответ. – Святой дух тоже иногда разговаривает с людьми, но это не значит, что он существует.

– Значит, вы не существуете, – попытался уточнить я, садясь на скамейку.

– Вот именно, – подтвердил он. – Для того, чтобы существовать или наличествовать в этой стране нужны документы, удостоверяющие личность, прописка и жильё, постоянное место работы, номера страхового пенсионного удостоверения, налоговые сертификаты. Всего этого у меня нет. Поэтому я просто не существую в этой стране.

– Понимаю вас, – сочувственно кивнул я головой. – Вы – бездомный.

– Совершенно верно, – ответил он мне. – По ночам я сплю на этих скамейках, а когда начинаются холода, то ищу укрытия на чердаках или в колодцах. Питаюсь, чем придётся. Одним словом, живу как божья птичка.

– Сочувствую вам, – сказал я и опять непроизвольно кивнул головой.

– Вы мне сочувствуете? – удивился нищий. – Это я должен вам сочувствовать, что я и делаю, и жалею вас от всего сердца. Представляю, каково вам не видеть солнца, не наблюдать закаты и рассветы. А сколько симпатичных женщин по вечерам прогуливается по этому бульвару. Не видеть красоту этой жизни – большое несчастье.

– Вы правы, – расстроено произнёс я. – Но когда-то я видел этот мир и до сих пор помню его красоту. По правде говоря, я и живу воспоминаниями об этой красоте. Она и помогает мне переносить моё несчастье. Да ещё музыка и философия придают мне силы для жизни. Круг моих знакомых не велик, но все они очень добрые и порядочные люди. Относятся ко мне со вниманием. К тому же я получаю пособие в обществе слепых и имею квартиру. Так что не могу жаловаться на свою жизнь.

– Я слышал, – сказал нищий, – что в Японии есть такое искусство – ловить цикад и сверчков и сажать их в полые тыквы, где они проводят всю свою жизнь, не видя света. Время

от времени крышки этих тыкв открывают, чтобы бросить им корм. Беднее насекомые даже не знают, что за пределами стенок существует другой мир. И, тем не менее, они стрекочут и, может быть даже, чему-то радуются. Не знаю, жалуются ли они на свою жизнь, но ничего в ней изменить не могут.

– Неужели этим цикадам не приходит в голову мысль вырваться наружу и освободится от своего плена? – удивился я. – Ведь не всё время они остаются закупоренными. Когда открывают крышку тыквы, чтобы их покормить, они могут прошмыгнуть наружу и – знай наших.

– А вам не приходит в голову мысль вырваться наружу и освободиться от своей слепоты? – с сарказмом спросил меня бездомный.

– Я уже на пути к этому, – ответил я.

– Как это? – удивился тот.

– Ладно, – сказал я, – вы человек посторонний. Вам можно рассказать. Мы с вами – как два корабля в море. Встретились и разошлись. Быть может, уже никогда не увидимся.

И я ему вкратце рассказал о моем напарнике, который приходил ко мне ночью. Нищий выслушал мой рассказ внимательно, не перебивая, затем, подумав, сказал:

– Надо же, что происходит в мире. Сколько хожу по белому свету, и каждый раз слышу какую-нибудь новую историю. Мне кажется, что всё это происходит от нашего одиночества. Человек ищет нечто себе подобное, и не может найти, потому что все мы такие разные. Вот и случается раздвоение, когда человек в себе находит своего друга. Кажется, в медицине это явление называется дуализмом – раздвоением личности. Я часто встречаю чудиков, которые сами с собой разговаривают. Признаюсь, что и я грешен этим, только у меня другой заскок.

– Какой же? – с интересом спросил я.

– И я имею своего друга. Только он – колобок.

– Какой колобок? – не понял я.

– Самый настоящий, о котором говорится в детской сказке: «Он от бабушки ушёл, и от бабушки ушёл...». А вот ко мне он прибился.

– И как? – спросил я его недоверчиво. – Он тоже появляется у вас неожиданно, и как бы из ниоткуда?

– Зачем же, из ниоткуда, – недовольно воскликнул нищий, – он всегда со мной.

– Как с вами? – удивился я. – Колобок из сказки всегда с вами?

– А как же! Я ношу его в кармане и могу вам показать. Только осторожно, он может укусить. Он не любит, когда его берут в руки чужие.

– И что? У него есть рот? – не поверил я.

– А как бы он со мной разговаривал? – ответил вопросом на вопрос собеседник.

Я не знал, что подумать.

– Так вы хотите его потрогать? – спросил он меня.

– Хотелось бы, если это не опасно, – выразил я своё желание.

Нищий положил на мою ладонь что-то холодное и очень гладкое, напоминающее стеклянный шарик. Я его ощупал, но не нашёл ни единой царапины.

– А где же рот? – спросил я.

– Он у него закрыт, – ответил тот.

– А почему он ничего не говорит?

– Он стесняется. Вы – новый человек, он к вам ещё не привык. Знаете, есть такой анекдот: «Солдат пришёл в бордель и попросил дать ему какую-нибудь девку на ночь. Хозяйка спрашивает его: «А у вас есть деньги, чтобы оплатить её услуги?» Солдат вывернул свои карманы и высыпал ей всю мелочь, которую имел. Хозяйка посчитала и говорит ему: «Этого мало». Солдат стал упрашивать её подобрать ему за эту цену из того, что имеется. Хозяйка подумала, согласилась и ушла. Затем возвращается, держа в руках колобок, и говорит ему: «За такую цену мы можем предложить вам только это». Солдат взял колобок в руки и удивлённо спросил:

«Что вы мне такое принесли. Как же я с этим чудом буду иметь секс. Это что же такое?! Какая-то хрень!» И вдруг колобок открывает ротик и писклявым голосом говорит: «Какой вы грубый и неотёсанный? Только что познакомились со мной и уже так похабно ругаетесь». Солдат оживился и воскликнул: «Что? Что? Что ты там такое говоришь? Ну-ка, ещё поговори со мной. Где у тебя там ротик?»

Я не понял анекдота, но вдруг почувствовал, что шарик на моей ладони задёргался, как это бывает с сотовым телефоном, и вдруг разразился звонким смехом.

– Вот так всегда бывает, – пояснил мне нищий, – когда я рассказываю ему этот анекдот, он начинает хохотать.

От неожиданности я выронил колобок. Колобок стукнулся о землю и заплакал. Нищий рассердился и накричал на меня:

– Что же вы делаете?! Роняете моего друга наземь. А если бы вашу голову, кто-нибудь с высоты человеческого роста бросил на землю, вам бы, наверное, это не очень понравилось?

– Извините, – виновато произнёс я. – Это у меня получилось от неожиданности. Вы же не предупредили меня, что он может засмеяться.

Нищий стал причитать над колобком, успокаивая его, потом, вероятно, убрал его в карман.

– Когда я открыл его способность, – помолчав, молвил он, – то тоже думал, что схожу с ума. Долгое время никому не мог рассказать об этом удивительном явлении. Но, в конце концов, всё же проговорился одному своему товарищу по несчастью. И тот посоветовал мне обратиться к чернокожему африканскому колдуну, который живёт в районе рынка. Зовут его Франсуа Ле Пётит. Он сам из экваториальной Африки, то ли из Мали, то ли из Гвинеи. Да вы, наверное, его видели. Ах, да, извините, вы же слепой, я совсем забыл. Но его видели многие жители города. Он и сейчас работает на местном телевидении диктором по прогнозу погоды. Говорит так плохо по-русски, что зрители едва понимают его, отвратительное произношение, но у главного редактора телевидения эта придурь – брать дикторами негров – вошла в традицию. Кстати, и зовут его совсем не Франсуа, а Леон, это предыдущего чернокожего звали Франсуа, но тот уволился, а этого взяли вместо него, но оставили то же самое имя, потому что, как посчитал редактор, зрители к нему привыкли. Так вот, этот колдун, стал сам составлять прогноз погоды, да так точно, что его предсказания всегда сбываются. Редакция телевидения перестала уже обращаться в метеостанцию за сводками прогнозов погоды, которые чаще всего не совпадают с действительностью. Все горожане, чтобы узнать точно, будет дождь или снег, слушают только его. Поговаривают даже, что ему можно даже заказывать погоду.

– Как это заказывать? – удивился я.

– В том-то и дело, что он своим колдовством может вызывать дожди, снегопады, град, засуху или наводнения. Так вот, я решил к нему попасть на приём и попросить его разобраться с моим колобком. Собрал милостыней нужную сумму денег и пришёл к нему. Так он меня и спрашивает: «А что тебя беспокоит?» Я ему говорю, что, мол, так оно и так, колобок разговаривает и набивается ко мне в друзья. А он мне отвечает: «Эка невидаль! У меня на родине половина жителей деревни имеют свои говорящие камни. Если он тебе не нужен, то выброси его. А если нужен, то говори с ним сколько хочешь». После его слов у меня как камень с души свалился. Вот бы и вы сходили к нему, посоветовались, если вас что-то беспокоит. Его на рынке все знает, любой покажут вам его дом. Только когда будете с ним разговаривать, не зовите его Франсуа. Он очень обижается.

– А как мне его называть? – спросил я.

– Зовите его Лев Францевич. И фамилию он себе сменил и называется сейчас Маленьким, так переводится с французского его настоящая фамилия. Он уже давно считает себя русским. Вы когда-нибудь вывели чернокожего русского? Так вот, увидите.

Я поблагодарил его и стал прощаться. Когда я встал со скамейки, бездомный обратился ко мне с просьбой:

– Мне неудобно вас просить, но не одолжите мне рублей пять, а то я ничего не ел со вчерашнего дня.

Я порылся в кармане и нашёл ему пятирублёвую монету.

Он поблагодарил меня и пообещал, что купленный им пирожок обязательно разделит со своим другом. Я отправился на рынок в поисках колдуна.

Сев на трамвай, я доехал до рынка и у первого прохожего спросил, как мне найти Франсуа.

– Негра? Предсказателя погоды? – уточнил он.

– А что? В городе есть ещё кто-то с таким именем, – удивился я.

– Вы правы, – засмеялся мужчина. – С таким именем у нас больше никого нет.

Он объяснил мне, что я должен идти прямо до перекрёстка, свернуть налево в первую улицу и отсчитать четвёртый дом по левой стороне. Я точно исполнил его указания и, ещё раз уточнив у другого прохожего правильность конечной цели моего пути, взшёл на крыльцо и постучал в дверь. Сзади я услышал голос проходящей мимо женщины.

– Вы не стучите, а дёрните за верёвочку слева.

По-видимому, это место было известно всему городу. Я нащупал верёвочку и потянул. Внутри дома раздался звонок колокольчика. Дверь мне открыла женщина и спросила:

– Он вам назначил время?

– Нет, – ответил я растерявшись. – Я пришёл впервые, и у меня очень срочное дело.

– Подождите, – сказала она, – я спрошу примет ли он вас.

Некоторое время я стоял на крыльце один. Затем дверь отворилась, и женщина впустила меня, сказав:

– Вам придётся подождать.

Проведя по холодному коридору, где гулко звучали наши шаги, она ввела меня в душную комнату и усадила на стул. Я понял, что в комнате сидело ещё несколько человек. Они негромко переговаривались. Мужчина, обладающий басом, говорил:

– Насколько я знаю, магией может овладеть любой человек, но для этого нужно знать систему. В любом стоящем деле ничего не делается без системы. Все таланты происходят из системы. Вы думаете, гениями рождаются? Дудки. Система делает гениев. Возьмите хотя бы систему Станиславского или Немировича-Данченко. Без этих имён в нашей стране не было бы знаменитых артистов. Любого человека можно сделать артистом, если его пропустить через эту систему.

– Но всё же, какие-то задатки для этого у человека должны быть, – возразил ему другой мужской голос – необычного тембра баритон.

– Совсем не обязательно, – не согласился с ним бас. – Из любой посредственности благодаря системе можно сделать великолепного артиста. Просто, для этого нужно затратить больше времени и сил.

– Но из барана или козла вы же не сможете сделать тигра или собаку.

– При помощи искусства – это возможно, – утверждал бас. – Искусство и есть магия. Из дурака можно сделать мудреца при помощи той же системы. А вы говорите...

– Ну, знаете ли. Я с вами не согласен, – перебил его баритон, – если человек дурак, то это навсегда. Глупость неизлечима.

– Всё зависит от внутреннего состояния человека и обстоятельств, в которые попадает он, – вмешался в спор третий голос, который по своему звучанию больше походил на тенор. – Признайтесь, все мы попадали в дурацкие обстоятельства. А кто из нас не делал глупостей? Я не знаю ни одного человека, который не почувствовал себя хотя бы раз в своей жизни круглым

дураком. Вот и я пришёл сюда, и не знаю, зачем я здесь нахожусь. Наверное, для того, чтобы меня в очередной раз одурачили.

– Уж такова человеческая натура, – заметил бас, – любой человек не может прожить без того, чтобы кого-нибудь не надуть, или чтобы его не надули. Мы сами иногда хотим быть одураченными. Желаем во что-то поверить, или что-нибудь испытать. Внутри человека заложена тяга к самообману. На этом и построен весь театр. Мы, артисты, перевоплощаемся через актерское искусство в разных героев, создаём атмосферу прошлых эпох, одним словом, через наше искусство, как сказал бы Беранже, «навеваем человечеству сон золотой». И человек начинает верить во всё это, он желает попасть в ту эпоху, почувствовать себя героем, пережить вместе с нашими героями те же чувства и ту же страсть, которая обуревала ими. За эту иллюзию он даже платит деньги. А если мы посмотрим на нашу жизнь с этой точки зрения, то всё, с чем мы соприкасаемся, и есть иллюзия: религия, государство, семья. Мы живём в этом мире зачарованными, и ни за что на свете не хотим расстаться с нашими иллюзиями. И здесь я нахожусь тоже, чтобы получить очередную порцию иллюзий. Мне, наверное, не нужно вам представляться, хотя, если кто не знает, назову себя. Я – Моностатусов, тот самый знаменитый артист, о котором вы уже слышали, а заодно и главный режиссёр нашего городского театра. Вы знаете, как сложно управлять театральным коллективом, где все актрисы нацелены всегда на одного человека, у которого могут получить желанную роль. Вы понимаете, о чём я говорю. Но я уже физически не могу быть для всех хорош. Чтобы всех их удовлетворить, нужно быть каким-то половым сверхгигантом. И пришёл я сюда с единственной целью – получить эту силу. Говорят, что Франсуа обладает магией наделения мужчин сверх потенции. Кстати, вы не массажист?

Его вопрос повис в воздухе, и я догадался, что он обращается ко мне.

– Вы спрашиваете меня? – уточнил я.

– Да, вас, – ответил бас. – Извините, что не знаю, как привлечь ваше внимание.

Я подумал, и вдруг мне пришла в голову мысль – заработать, хотя я никогда не имел ничего общего с массажем.

– Да, – ответил я. – Я массирую.

– Замечательно, – воскликнул знаменитый артист и режиссёр, – может быть, вы будете так любезны, включить меня в список своих клиентов? Дело в том, что после спектаклей, где мне приходится играть главные роли, у нас всегда собираются капустастики, на которых мы расслабляемся, поэтому мне нужно быстро снимать свою усталость и приобретать соответствующую форму, чтобы быть на высоте, и не опозориться перед женщинами. Ну, вы, надеюсь, меня понимаете, о чём я говорю. Поэтому после спектакля мне просто необходим соответствующий массаж. Можете вы его делать? Я вам буду хорошо платить.

– Согласен, – просто ответил я.

– Вот и прекрасно, – воскликнул он. – Я знаю, что все слепые делают прекрасный массаж. Это у них в крови. Такое открытие я сделал ещё в Японии на гастролях. Там все слепые – прекрасные массажисты, им нет равных, они знают великолепно анатомию, и все являются мастерами своей профессии, умеют привести человека в такое состояние, о котором он может только мечтать. Поэтому давайте не будем откладывать нашу договорённость в долгий ящик, и, надеюсь, что завтра вечером после спектакля вы придёте ко мне в мою уборную в театре. Договорились?

Я дал ему своё согласие.

В это время послышалось, как открылась дверь, и через приёмную кто-то продефилировал. И тут же женщина пригласила к колдуну артиста. В приёмной мы остались втроём.

– Вы и в самом деле обладаете способностями приводить человека в состояние, о котором он может только мечтать? – спросил тенор, вероятно, обращаясь ко мне.

В его голосе я почувствовал нотку иронии.

– Ну, что вы такое говорите, – развёл я руками. – Я же вам не маг. Признаюсь, я даже и не массажист.

– Но вы же только что согласились на эту работу у артиста.

– Согласиться-то согласился, – ответил я, – но не знаю, что выйдет из всего этого. Попробовать, конечно, можно, а вдруг получится – заработаю деньги. Сами понимаете, пособие по инвалидности маленькое. Ну, а если прогонит, то я ничего от этого не потеряю.

Тенор и баритон рассмеялись.

– А мне нравится ваша жизненная позиция, – сказал баритон. – Не понятно только, почему вы здесь. С вашей здоровой жизненной философией, мне кажется, у вас не может быть проблем такого характера, чтобы обращаться к колдуну. Вот мы – другое дело. Мы изначально все больные не только физически, но и духовно, потому что не знаем, куда нам двигаться. Мы с товарищем – философы, вот и пришли к колдуну, чтобы исследовать его феномен. Потому что всё необъяснимое нас притягивает к себе.

– Вы философы? – радостно воскликнул я. – А я как раз мечтал познакомиться с философами, чтобы понять некоторые особенности явлений необъяснимого характера.

Вы полагаете, что мы дадим вам эти объяснения? – засмеялся тенор.

– Во всяком случае, вы можете мне оказать большую помощь, – сказал я, – потому что, насколько я знаю, ни у кого из мужчин не развита так интуиция, как у философов. Ещё английский египтолог и исследователь сокровищ гробницы фараона Тутанхамона Артур Уайлдер говаривал, что все жизненные проблемы заключены в человеке. И магия или, вернее, мудрость, как он её называл, составляет не что иное, как развитое знание сил внутреннего существа человека, которые являются божественными эманациями, потому что интуиция есть восприятие их начал, а посвящение – их введение в это сознание. Философы, маги и мудрецы начинают с инстинкта, а кончают всезнанием.

– Удивительно, но, как я вижу, приёмная колдуна оказывается тем местом, где люди сходятся по интересам! – восхищённо воскликнул тенор. – Сюда нам всем стоило прийти хотя бы затем, чтобы встретиться друг с другом. Воистину, сегодняшний день удачный. Может быть, мы все трое заключим братство, о котором писал ещё Плутарх, когда упоминал о тех людях, принадлежащих к «Братству», кому хорошо знакомы мистические символы, кто хорошо сведущ в учениях, полученных от предков, и в священных таинствах Диониса.

– Извините, – перебил я его, – но я не принадлежу ни к когорте метафизиков, ни к тайному обществу мистиков. И вряд ли мои знания способны соприкоснуться с высшими истинами, исходящими из тайн мироздания.

– Мы тоже не претендуем на высшие титулы тех, кому принадлежит власть в высших астральных сферах потому, что они всё знают, – сказал баритон. – Просто, мы хотим понять некоторые принципы естественных законов, которые граничат с теми понятиями, которые называются чудом. Мы знаем, что чудес на свете не бывает, всё объяснимо, нужны лишь знания, которых нам всем недостаёт. Я думаю, что вы, тоже, как и мы, пришли сюда за знаниями. Не так ли?

– Совершенно верно, – согласился я.

– Вот видите, – обрадовался баритон, – рыбак рыбака видит издалека. – Мы хотим открыть для себя тот вечный закон природы, о котором когда-то раньше знали наши предки, но который был ими утерян вместе со всеми их науками и знаниями. Насколько мы понимаем, природа триедина, как и сущность человеческая. Впрочем, человек является точной копией природы, более того, он – частичка природы. А поэтому он обладает той же видимой объективной сущностью. И также заключает в себе некий невидимый стержень, который является его истинной субстанцией и сообщает энергию в его внешнюю сферу бытия, являясь точной копией той видимости и тех жизненных принципов, которыми он обладает. И над всем этим царствует третья субстанция – дух, источник всех сил, вечный и неразрушимый.

– Вот оно что! – воскликнул я, поражённый его словами при воспоминании о моём двойнике. – Дух, вездесущий и всезнающий, способный проникать в тайны и совершать чудеса.

– Вот именно, – радостно согласился баритон, видя, что я его понимаю. – И если вы посредством своего физического тела, дающего жизнь вашему астральному телу, иными словами, вашей душе, которая является вашим истинным естеством, сможете слиться с вашим бессмертным духом, витающим над вами и озаряющим вам путь, то вы превратитесь в бессмертную сущность.

– А если я уже слился с этим бессмертным духом, – задал я ему вопрос, – что тогда?

– Ну, тогда вам здесь не место, – ответил за баритона тенор. – Тогда вам нужно занять своё достойное место среди богов.

В это время открылась дверь, и из неё вышел артист и главный режиссёр оперного театра Моностатусов. Пройдя мимо нас, он на ходу обронил сухо в мою сторону:

– Жду вас завтра вечером в моей гримёрной.

Не с кем не прощаясь, он вышел из приёмной. По манере его поведения я понял, что он чем-то расстроен.

Ко мне подошла женщина и сказала:

– Маэстро вас приглашает к себе.

– Меня? – удивился я. – Но эти господа пришли раньше меня. Сейчас их очередь.

– Маэстро просил привести вас, – сказала она и, взяв меня за руку, повела в кабинет к колдуну.

Я очутился в кресле. Здесь было прохладно, вокруг стояла гробовая тишина, пахло жасмином и корицей. Вдруг я услышал шелест и шипение, похожее на движение змеи. От неожиданности я вздрогнул и услышал рядом ласковый голос, говорящий с сильным французским акцентом:

– Мать твою, тебе нужно было прийти ко мне раньше?

– Почему мать мою? – удивился я. – И почему раньше?

– Мать твою – это с французского – Parblieux! В нашей деревне так ругаются! А прийти тебе нужно былё раньше, потому что твоей душой уже овладеть дюкх, и я ничего не могу поделять. Я не смогу с ним совладать, потому что он сильнее меня. Хочешь, я тебе погадаю.

– А сколько это будут стоить?

– Этот визит тебе ничего не стоит. Покажи мне левую лядёнь.

Я протянул ему руку и ощутил прикосновение его холодной как лёд ладони. Мне стало неприятно, как будто я подал руку покойнику. Я всегда думал, что у негров горячая кожа, недаром тысячелетиями они обжигали её солнцем на материке, через который проходит экватор.

Негр долго держал мою руку в своей. Наконец, я, теряя терпение, спросил его:

– Ну, что? Какая моя судьба?

– Через девять месяцев ты переродишься, – сказал он. – Но ещё при жизни познаешь небо.

– Как это? – удивился я.

– Станешь нёвым челёвеком.

– Лучше или хуже? – спросил я.

– Люче, – ответил он.

– Но это же хорошо, – сказал я.

– Не знаю, – сказал он.

– У меня появится зрение?

– Да, – молвил он. – Можешь идти.

В недоумении я вышел в приёмную. Как только я вышел, философы вдвоём ввалились в кабинет колдуна. Я сел на стул, не зная, радоваться мне сообщению колдуна, или огорчаться. Я подумал, что же нашло на меня в кабинете, какое-то затмения, я совсем забыл расспросить

его о том, зачем к нему приходил. От него я ничего не узнал о духе, который посещает меня. Добрый он или злой. Можно ли ему довериться, или нужно опасаться его. То, что этот дух сильный, я и сам знал без колдуна.

Открылась дверь, и рядом со мной скрипнул стул.

– Франсуа просил меня подождать в приёмной, – сказал тенор. – Он решил поговорить с нами по-отдельности. А что он сказал вам?

– Сказал, что через девять месяцев я прозрею.

– Чудеса, – удивился тенор. – Значит, у вас появилась надежда увидеть наш мир как бы новыми глазами.

– Похоже на это, – согласился я. – Но не знаю, насколько его пророчеству можно верить. Врачи говорят, что моя слепота неизлечима.

– Наши врачи ничего не знают, – сказал тот. – Коновалы законченные. Но знания – это великая сила. Хотя я не верю во все эти колдовства, но допускаю, что люди, якобы обладающие так называемой магией, имеют некоторые знания о всемогуществе духа, и могут при помощи его власти одерживать победу над силами природы. Их магия – это просто искусство применения этих знаний на практике. Так что я не удивлюсь, если вы прозреете благодаря силе этого духа, вошедшего в ваше тело. Всё их колдовство – это мудрость, которой мы пока ещё не овладели.

– Но как такие люди могут предсказывать будущее? – удивился я.

– Это тоже пока является загадкой для нас, – сказал тенор. – Но в мире нет ничего необъяснимого, просто нужно затратить некоторые мыслительные усилия, чтобы во всём разобраться. У меня есть одна теория по этому поводу, но пока я не знаю, насколько она верна. Я считаю, что наша Вселенная пульсирует, подобно гигантскому сердцу. Она то разжимается, то сжимается. И все её движения повторяются с определённой периодичностью и с точностью часового механизма. Так, что, зная, что было раньше, можно предположить с точностью до точки и запятой, к чему всё вернётся. Весь мир крутится по одному и тому же сценарию, как заезженная пластинка. И нам кажется, что мы чего-то ещё не пережили, но всё уже было, просто мы всё это забыли. И наше рождение и наша смерть, есть только возвращение к нашей прошлой жизни, где всё должно повториться. Люди, сохранившие каким-то способом свою эмбриональную память, способны предсказывать будущее, а вернее, прошлое, потому что будущее и есть прошлое. И наше постоянное поступательное движение в будущее есть не что иное, как возвращение в наше прошлое. Мы крутимся все по одному и тому же кругу, но только в обратном направлении. А когда пружина Вселенной сожмётся до своего предела, то раскрутка начнётся в другую сторону, обратную противоположной, но всё время по одному и тому же проторённому пути. Так что всё уже пережито нами тысячу раз. Знаете, как маятник в часовом механизме. Туда-сюда, туда-сюда – и всё на одном месте. Так что со временем может наступить такая скукота от однообразия, что в пору на стенку лезть, и для того, чтобы этого не произошло природой и предусмотрено забывание. Но, вероятно, забывают не все...

В это время открылась дверь, и из кабинета вышел баритон.

– Ну, что? Что он тебе сказал? – спросил тенор.

– А-а, нёс всякую ахинею. Потом расскажу. Сейчас он приглашает тебя.

Тенор удалился за дверь. Его место занял баритон.

– О чём вы здесь болтали? – спросил он меня непринуждённо.

– О способности угадывать будущее, – сказал я. – Колдун сказал, что я, прозрею через девять месяцев и посмотрю на мир новыми глазами. Интересно, кто же мне подарит новые глаза? Врачи сказали, что мой случай безнадежный.

– Но вы не учитываете, что в нашем теле сокрыты такие силы, которые могут творить подлинные чудеса, – заметил баритон. – Главное, чтобы раскрыть эти силы.

– Но я всё равно не представляю, как можно заглянуть в будущее, – ответил я. – Разве может существовать такой механизм?

– Может, – убеждённо заявил тот. – В будущем всё предопределено, потому что всё, происходящее сейчас, в будущем уже свершилось. И есть такие медиумы, которые способны слышать отголоски будущего. Существует два типа людей: чувствительные и активные натуры. Активные, творческие натуры управляют чувствительными людьми. Тон будущему задают активные натуры. Они управляют собой и всеми ниже их стоящими силами. А результат их действия проецируется на будущее. Помимо этого, творческая натура обладает иногда даже для него самого скрытым определённым тайным знанием, которое ему просто необходимо для его успешного действия. Поэтому все явления, которые когда-либо происходили в мире, или какие ещё только произойдут, передаются ему в качестве его внутренней подсказки, носителем которых является его душа. Так что его душа – не *tabula rasa*, где можно написать всё, что угодно, а некая грифельная доска, где рукой Господа пишутся тайные знаки, которые он способен прочесть. Это дар можно назвать духовным зрением, способным ему помочь узнать, что было или что случится в будущем. Мне кажется, что африканские народы, которые мы считаем остановившиеся в своем культурном и техническом развитии, на самом деле намного превосходят нас, европейцев как духовно, так и физически. Психика африканцев, несомненно, отличается от психики азиатов, которые больше погружены в контемплативную плоскость философии. У африканских народов очень широк диапазон психических феноменов приобщения к колдовским знаниям. Если азиаты мыслят, то африканцы чувствуют. А в каждом негре живёт астральный негр, бессознательно и непроизвольно ведущий его по лабиринтам изотерических сфер оккультизма и медиумизма. Если азиаты погружены в свои размышления, то африканцы галлюцинируют, и часто вызывают видения в чувствах своих свидетелей. Они способны сделать свою астральную форму видимой и насытить воображение человека многообразным содержанием. Их галлюцинации бывают настолько совершенны и убедительны, что человек, переживший их, принимает их за реальность, и будет спорить с вами, что это не сон, хотя вся эта картина отпечаталась в его собственном уме, только благодаря воле колдуна.

– Нечто подобное вам удалось пережить сейчас? – с интересом спросил я его.

– Нет, что вы? – молвил он мне. – Мы, европейцы, принадлежим к породе, неподдающейся внушению. Нас, к сожалению, невозможно чем-то загипнотизировать, потому что мы уже ни во что не верим.

Подумав некоторое время, он подобрал более точное выражение:

– Мы – разуверившаяся раса. И нам сложно поверить в чудеса. Потому что мы всему находим объяснение. Кроме своего физического тела мы ничего не ощущаем. И вся наша культура последнее время выстроена на том, чтобы улаживать своё тело. Так постепенно мы забываем о душе, превращаясь в живые трупы. А когда мы ходим в могилу, то ничего не уносим с собой кроме нашей глупости и лени. О каком перерождении может быть речь? Нет. Всё европейцы – раса мертвецов. Поэтому, наверное, мы так с такой скоростью последнее время вымираем на земле. Мы даже не прошли по тому пути, который нам указали древние греки. Вы, наверное, не станете со мной спорить?

Я не успел ему ответить. Дверь открылась, и появился тенор.

– То же самое? – спросил его баритон.

– Муть заболотная, – согласился с ним тенор, – напустил всякого тумана, и никакой ясности. Так и я умею.

– Может быть, нам втроём устроиться где-нибудь в кафе и спокойно поговорить, – сделал предложение баритон.

– Я не против, – отозвался тенор.

Я тоже не возражал.

– Но мы ещё не представились вам, – сказал баритон.

И тут же представился:

– Давайте мы представимся нашими профессиональными именами, меня зовут Папагено, так как я непревзойдённый исполнитель арии птицелова из оперы «Волшебная флейта», а моего друга зовут Тамино, он лучший исполнитель роли принца. Несмотря на то, что мы работаем артистами, относим себя к когорте философов, так сказать, проводников человеческой мысли. Так что мы стараемся совмещать в себе талант и ум, хотя это часто бывает очень трудно. Рады с вами познакомиться.

– И я рад познакомиться. Как интересно! – воскликнул я. – А ведь когда-то я тоже учился игре на флейте, и моя флейта звучала как волшебная, потому что в то время я был влюблён в одну очаровательную красавицу, которую называл про себя Паминой, но, к сожалению, она была замужем. Я у неё брал тогда уроки игры на флейте. Так что музыку я обожаю, «Волшебная флейта» – самая любимая моя опера. А скажите, какую роль исполняет ваш главный режиссёр театра?

Почему я так сказал, я даже не знаю. Никакой игре на флейте я не учился, и никакой Памины у меня не было и в помине. Просто, я любил одну девушку в молодости и вообразил себе в мечтах, что неплохо было бы брать у неё уроки игры на флейте, и таким образом с ней познакомиться. Уж такой я фантазёр. Но, забегая вперёд, должен признаться, что эти мечты сильно повлияли на мою жизнь.

Услышав мой вопрос, оба артиста рассмеялись.

– Моностатусов исполняет роль мавра Моностатоса, который добивался Памины, – сказал Тамино.

– Но мне казалось, что эту партию должен исполнять тенор, а у вашего главного режиссёра, как я понимаю, бас.

Философы-артисты опять рассмеялись.

– Суха мой, друг, теория везде, а древо жизни пышно зеленеет, – смеясь, воскликнул Папагено, – вы же, наверное, читали Гёте. Скажу больше, что по нашей версии оперы, Памина достаётся не Тамино, а мавру Моностатосу.

– Как это?! – обалдело воскликнул я, а как же Моцарт? Он, наверное, от этого уже в гробу перевернулся.

– Это уж, несомненно, – согласился Тамино. – Но что поделаешь, такое у нас время, сейчас все главные режиссёры имеют своё прочтение классиков, и само выражаются, как им хочется.

– Так, может быть, этот ваш Моностатос служит не мудрецу Заратро, а злой феи Царицы ночи?

– Так оно и есть, – рассмеялись артисты.

А Папагено добавил:

– Я восхищаюсь вашей проницательностью.

Мне очень захотелось увидеть новую оперу в изложении Моностатуса.

Мы все были приятно поражены счастливой случайности, которая свела нас вместе, любителей оперы в этой приёмной африканского колдуна.

Выйдя из дома колдуна, мы направились в ближайшее кафе. Волею судьбы кафе называлось «У порога». Разместившись за столиком, мы попросили официанта принести нам горячего чая с лимоном и по пирожному «Эклер». Кроме нас в кафе находилась влюбленная парочка, тихо щебетавшая в углу, и, как выяснилось позже, у окна сидел человек, погружённый в свои мысли. Он-то и привлёк своим отрешённым видом внимание Папагено.

– Видите этого человека, – сказал он, обращаясь к нам, вероятно, забыв, что я был не в состоянии что-либо видеть, – вот он сидит на своём стуле, а душа его улетела далеко. Нам не известно, о чём он думает, и где сейчас находится. Сейчас он очень уязвим, как и все мы, интеллектуалы, уносящиеся своими мыслями неизвестно куда. Естественно, что мы не можем

физически вместе со своей душой улететь в другие места. Наши тела всегда находятся в одних определённых местах. Я слышал много баек о перелётах людей на далёкие расстояния, но я ни в одну из них не верю. Путешествовать по миру может только астральный двойник человека, и когда он покидает тело, то в это тело может вселиться чуждая ему сущность.

– Последователи Сведенборга считают, – заметил Тамино, – что душа довольно часто покидает живое тело. Особенно это случается во время приступов страха, печали, отчаяния или необоримой страсти. Человек перестаёт быть самим собой. В него может вселиться насильник, злодей или трус, какая-нибудь «заячья душонка». Только человек с железной волей не допустит в свою душу вселения чуждой сущности. Более того, путем своей усовершенствованной воли он способен стимулировать движение природных сил живых существ до сверхъестественной степени, управлять и пользоваться духами стихий.

– Но он не может повелевать бессмертным духом кого бы то ни было, – возразил ему Папагено, – ибо такие духи являются отражением Божественной Сущности, над которой нет другой власти.

– В это я не очень верю, – молвил Тамино, – всё, связанное с человеческой психикой происходит от внушения или самовнушения. Так или иначе, главную роль в этом играет человеческое, а не божественное сознание.

– Вот в этом ты как раз ошибаешься, – воскликнул Папагено, – бессмертный дух человека способен открывать ему божественные истины. Здесь нужно различать провидение души и духа. Ясновидение, где проскакиваются проблески истины через завесу физической природы, в которое погружались древние пифии, вызвалось искусственным способом и было совсем не тем, чем является совершенное всезнающее духовное состояние астрального тела. Там острый ум просеивает как сквозь сито всю мишуру нашей чувствительной природы и видит только чистую разумную снизошедшую сверху истину. Такое состояние души древние индусы называли САМАДХИ, как высочайшее состояние духовности, доступное человеческому разуму, когда между личной сущностью и божественной субстанцией нет никаких посредников. Когда, по выражению Платона, душа поднимается над всем меньшим благом. Вот тогда перед нами открывается окно. И к нам поступает сверху нечто чистое и неизменное, простое и бесформенное, бесцветное и не имеющее никаких человеческих примесей, то, что можно сравнить с воздухом, так необходимым для нашего дыхания, но что не является воздухом, потому что оно светится и озаряет наш ум, наш Ноус, наполняя его истиной нашего Господа. И в этом окне порхают птички, этакie необычные мысли, которые мы должны вылавливать и выдавать за свои собственные. Ведь мысли, которые нам приходят в голову, они не наши, а выловленные нами из эфира. Мысли никогда не принадлежат никому, они просто, как маленькие птички, садятся на ветви нашего дерева, а потом улетают прочь.

– Ты рассуждаешь как птицелов, – рассмеялся Тамино, – ты говоришь о том состоянии, которое Плотин и Аполлоний называли «Единением с Божеством»? Но такое соединение с Богом бывает не часто. Сам Плотин признался Порфирию, что за всю его шестидесятилетнюю жизнь ему удалось испытать это чувство только шесть раз. Но все эти измышления могут быть из области фантазии. Если у человека есть ум, то фантазии даются как бесплатное приложение к нему. Все эти боги, высшие символы и невысказанные истины – это плод человеческого разгорячённого ума.

– Я удивляюсь, – воскликнул Папагено, – как можно быть таким законченным материалистом до кончиков волос и не верить в прописные истины. По мнению Аммония Саккаса, как он называл самого себя, «обученного Богом», как раз проникновению на небо мешает тесная связь человека с обществом и окружающей средой, запечатлённая в его памяти. А Олимпиадор напрямую связывал невозможность предсказать будущее человеком с его фантазией. Как говорит Платон в «Федре», приписывая эти слова Олимпиадору, фантазия является препятствием нашим интеллектуальным концепциям: а поэтому, когда мы взволнованы вдохновляю-

щим влиянием Божества, если фантазия вмешивается, энергия энтузиазма перестаёт действовать, ибо энтузиазм и экстаз противоположны друг другу. Если бы спросили, способна ли душа проявлять энергию без фантазии, мы ответим, что восприятие ею универсалий доказывает, что она способна. Она обладает восприятиями и поэтому независима от фантазии, в то же самое время, однако, фантазия сопутствует ей в её энергии, точно также как шторм преследует того, кто пустился в морское плавание. Это – слова Олимпиадора. Ведь мы, отбросив нашу фантазию, можем настраивать наш ум на разные частоты космического эфира и получать сообщения из глубин мироздания.

– Это всё предположения, – отмахнулся Тамино.

– Как?! – воскликнул, приходя в возбуждение, Папагено. – Ты отрицаешь общепризнанные факты исторических доказательств человеческих способностей постигать будущее? Ведь были же места на земле, где люди напрямую общались с Богом и получали от него лично истину – правдивые сообщения. Это происходило среди медных колонн Соломонова храма, и под звон колокольчиков и гранат Аарона, а также под гармоничный перезвон капитолийского Юпитера императора Августа. А откуда брали свои пророчества, руководимые иерофантами жрицы северной Германии, когда среди рёва бурных вод вглядываясь в водовороты быстрого течения реки? А древние пеласги, никогда не мывшие ноги, спавшие на земле и питавшиеся одними желудями? Как они могли предсказывать будущее, слушая шелест листвы додонских дубов? А Иосифу, сыну Якова, хватало одной лишь серебряной гадательной чаши с начищенным блестящим дном, чтобы впадать в транс и получать божественное откровение. Всё это и есть ловля тех небесных птичек, которые залетают в нашу голову. Неужели ты всё это считаешь глупым вымыслом безответственных историков?

– Ничего я не считаю, – сердито ответил ему Тамино, – только сейчас мы вышли с тобой от колдуна, и оба решили, что он наговорил нам всякой чепухи. Кстати, что он сказал тебе о твоём будущем?

Папагено оживился, рассмеявшись.

– Он мне сказал, что я, как оперный артист, переживу катастрофу, расстанусь с женой, стану нищим и улечу на розовом облачке в страну грёз. А что он нагадал тебе?

– Он предсказал гибель моей невесты Памины от рук мавра Моностатуса, моё ума лишение и заточение психушку, – ответил тот и тоже рассмеялся.

– Только нашему общему другу он сделал добрые предсказания, пообещав ему вернуть зрение, и увидеть небо и мир новыми глазами, – придя в благодушное состояние, заключил Папагено.

– Может быть, во время этого сообщения перед колдуном, и в самом деле, раскрылось небесное окно, и он узрел истину.

В это время у окна, там, где сидел задумчивый клиент, раздался грохот падающего стула, звон разбитого стекла, глухой удар и испуганный возглас официанта:

– Что он делает?

Я застыл на месте в немом ожидании. В кафе всё задвигалось, раздался истерический женский крик из угла, где сидела влюблённая пара, топот ног по дощатому полу.

– Что произошло? – наконец, потеряв терпение, с дрожью в голосе спросил я.

– А-а, – сказал стоящий рядом со мной Папагено, – тот задумчивый чудак выбросился из окна. Сейчас он лежит на улице в луже своей крови. Благо, что мы сидим на первом этаже, а то бы он непременно разбился насмерть о мостовую. С ним ничего серьёзного не случилось. Осколками стекла порезаны руки и ноги, а голова застряла в форточке. Он вывалился на улицу вместе с рамой. Форточка была открытой. Может быть, он вообразил себя птичкой и решил выпорхнуть из кафе. Я сразу же заметил, что человек явно не в себе. Тамино оказывает ему первую медицинскую помощь и пытается вытащить его голову из форточки.

Через некоторое время прибыла скорая помощь и увезла бедного пострадавшего, вообразившего себя птицей. Мы так и не дождались нашего чая и пирожным «Эклер». Хозяин кофе подошёл к нам и, извинившись, сообщил, что кафе закрывается на ремонт по известной нам причине, но после ремонта он будет всегда рад нас принять и обслужить по высшему разряду. Так неудачно закончился наш поход в кафе «У порога».

Расставшись с философами, я отправился домой. Мы договорились через день встретиться у меня дома, где я собирался их угостить чаем, и где нам никто не мог помешать поговорить на разные отвлечённые темы. Мы решили, что моя квартира для этого будет самым идеальным местом, так как у Папагено имелась жена Папагена, а Тамино снимал комнату у хозяев коммунальной квартиры, поэтому ему было неудобно устраивать там пирушку с друзьями.

Доехав на трамвае до ближайшей к моему дому остановки, я оставшуюся часть пути преодолел пешком без особых приключений. Поднявшись на пятый этаж в свою квартиру, я в изнеможении упал на кровать и включил радиоприёмник, стоявший на ночном столике. К моему удивлению приёмник был настроен на волну радиостанции STN.

Два бесёнка передавали последние известия, комментируя их своими замечаниями:

«— Этой ночью был ограблен городской банк двумя неизвестными грабителями, — задорно вещал бесёнок с высоким диапазоном голоса. — Но ограбление было совершено так ловко, что воры не оставили никаких следов. Деньги были вынесены на крышу банка и переправлены с помощью верёвочных приспособлений в чердачное окно близлежащего дома.

— Дело бы не получило такой огласки, — комментировал сообщение другой бесёнок с низким диапазоном голоса, — если бы этот банк не принадлежал самому мэру города, где он держал весь городской бюджет.

— Так что плакали денежки наших налогоплательщиков.

— Ты думаешь, их не найдут?

— Исключено. Наш мэр не дурак, чтобы красть у себя самого деньги, чтобы потом кто-то их нашёл.

— Ты полагаешь, что мэр сам организовал это ограбление.

— Это и ежу понятно. Ах, извините, я хотел сказать, маленькому ребёнку.

— Ну, тогда мне не понятно, почему вся городская милиция приведена в состояние боевой готовности. Почему они прочесывают весь город, проверяя весь местный криминал. Из-за этих зачисток уже начинается война между авторитетами уголовного мира. Они обвиняют друг друга в этом ограблении. Может быть, это сделали заезжие гастролёры?

— Исключено, потому что банк был ограблен с таким знанием дела и профессионализмом, что чувствуется длительная подготовка и помощь персонала самого банка. Всё сработано чисто. А где бывает сработано чисто, там всегда есть элемент некой таинственности, невидимый след, ведущий к столпам, стоящим у истоков этого дела. Как говорят в народе, сами себя грабят, сами же себя пытаются потом поймать, и всегда безрезультатно. Излюбленный приём всех политиков».

Сразу же после этих слов полилась какофония звуков, и я тут же выключил приёмник. Решив попить чаю, я вышел на кухню и обнаружил там красавчика, который суетился вокруг заварника. С появлением Красавчика ко мне опять вернулось внутреннее зрение.

— Извини, — сказал он мне как своему старому знакомому, — извини, что ввалился к тебе без приглашения. Но я пришёл, чтобы напомнить, что у тебя сегодня свидание с девушкой, с медсестрой.

— Ни на какое свидание я идти не собираюсь, — заявил я ему категорично, — с меня хватит вчерашних приключений.

Лучи вечернего солнца проникали на кухню и играли рассеянными бликами на стекле кухонного шкафчика, окрашивая кафельную плитку у раковины в розовые цвета. Окно было

раскрыто, и с улицы неслась мелодия вальса, передаваемая по радио. Несмотря на вечерний час, было жарко. Окна многих квартир были распахнуты настежь.

– Ты не можешь не пойти на это свидание, – сказал Красавчик, – потому что ты сам назначил его.

– Что-то я такого не помню.

– Ты это сделал в полусознательном состоянии.

– Это ложь, – возмутился я, – она сама сказала мне в университетской клинике, что собирается встретиться с тобой. И инициатором этой встречи являешься ты. Почему ты мне врешь?

– Ну ладно, ладно, – замахал руками красавчик. – Признаюсь. Я назначил ей встречу. Просто она мне приглянулась, но без тебя я не могу к ней пойти.

– Это почему же? – удивился я.

– По ряду причин, – ответил он. – Но главное – мне нужно твоё тело, чтобы иметь с ней физическую близость. Раз уж так получилось, что мы оба принимали участие в этой афере, так давай вместе доведём это дело до конца.

– До какого ещё конца? – возмутился я.

– До логического, – улыбнулся он. – Обещаю тебе, не пожалеешь. Девочка – что надо! Получишь свою долю наслаждения.

– О чём ты говоришь?! – воскликнул я.

– Ну, ты же понимаешь, – подмигнул он мне. – Угостим её чаю, и насладимся интеллектуальной беседой. Девушка – студентка, и пока занятия ещё в университете не начались, она подрабатывает медсестрой в этой клинике. Сам понимаешь, с умной студенточкой поговорить одно удовольствие. А может быть, ещё что-нибудь и обломится нам. К тому же мне её вести некуда. А у тебя под боком твоя квартира.

– Ты собираешься пригласить её ко мне? – опять возмутился я.

– А куда мне прикажешь её вести? – удивился красавчик.

– Мне-то какое дело!? Мне этого совсем не надо.

– Жаль, что ты не рассмотрел её получше. У неё красивые голубые глаза и длинные ноги. Я думаю, что она очень сексуальная в постели.

– Ты собираешься её уложить в мою постель?! – спросил я, задохнувшись от возмущения его наглостью.

– Зачем же мы тогда приглашаем её в гости? – выразил он всем своим видом благодушное удивление. – Девушки и созданы для того, чтобы мужчины их укладывали в постель.

– Никого я не собираюсь укладывать в свою постель, – опять заявил я ему категорично. К тому же моя собака на дух не переносит женщин.

– А ты запри её в другой комнате.

– Ничего я не собираюсь делать.

– Ну, ладно, ладно, успокойся, – опять замахал он руками, – никого мы не будем укладывать в твою постель. Если она сама не захочет прилечь, мы её насильно затаскивать в постель не собираемся. Давай просто пригласим её на чай. Если она откажется, то мы расстанемся. Если нам не понравится с ней беседа, то мы её просто выпроводим. Так что никто никого принуждать ни к чему не будет. Согласен?

Я пожал плечами. Этот жест он принял за знак моего согласия.

– Вот и прекрасно! – воскликнул он. – Нам нужно поторопиться, и прийти раньше. Не хорошо заставлять девушку ждать.

После этих слов мне ничего не оставалось делать, как отправиться с Красавчиком на свидание. Когда мы спускались по лестнице и, перейдя автомагистраль, шли по аллеям бульвара, Красавчик, чтобы подбодрить меня, разразился своим очередным разглагольствованием:

– В мире вся сокровенная философия и народная религия построены на соитии мужчины и женщины.

– Я уже об этом где-то слышал, – заметил я ему.

– Вот именно, – сказал он и продолжил, – мужчина стремиться к женщине, а женщина – к мужчине, чтобы успеть запечатлеть себя в вечности, дать через это соитие свой росток в будущее. Но «все соединения тленны», – как сказал умирающий Гаутама, когда под деревом сам готовился войти в Нирвану. – «Дух есть единственное элементарное, изначальное единство, и каждый из его лучей бессмертен, бесконечен, неразрушим. Остерегайся иллюзий материи». Поэтому держись всегда за меня и не позволяй красоте женщины очаровать тебя. Без женщины нельзя прожить на свете, но, соединяясь с ней, всегда думай о своём разъединении. Человек, попадающий под чары женщины, умной или красивой, пропащий человек. Только расставшись с женщиной, он способен вновь обрести свой дух. А я – твой дух. Поэтому постарайся не забыть обо мне, когда ты сойдёшься с ней ближе.

– Это почему же? – удивился я, не понимая, к чему он клонит.

– Как только ты обо мне забудешь, то станешь ей не интересен.

Мимо нас проходили влюблённые пары и девушки неписанной красоты. Бульвар в городе считался местом любовных встреч, свиданий и знакомств. Он олицетворял собой все прелести сансары. Девушки и парни слетались сюда как мотыльки на огонь.

– Но кроме практического наставления, позволь мне дать тебе ещё и теоретический совет. Часто человек ищет что-либо недостающее ему во вне, – продолжал мой спутник, – и пытается нырнуть в самые сокровенные части природы, как говорил арабийский алхимик Абипилы. Но он никогда ничего не найдёт вне себя, если этого нет внутри его самого. Если он не знает превосходства своего собственного дома, то зачем ему искать превосходства других вещей?

– К чему это ты мне всё это говоришь? – спросил я его.

– Не ищи сокровищ в других, а постарайся обнаружить их в себе, – сказал он. – Я это говорю тебе, ибо знаю, что тебя ждёт большое испытание, через которое ты должен пройти, встретившись с этой девушкой. Потому что ты в неё влюбишься, и будешь искать в ней отгадки на многие тайны. Но запомни, что в тебе самом заложены разгадки всех тайн мироздания. Познай самого себя. В тебе самом скрыто сокровище сокровищ. Через эту женщину ты можешь оставить лишь копию своего физического оригинала в этом мире, твои же мысли никто кроме тебя самого не воссоздаст, ибо мысли – это очень тонкая материя, свойственная одному лишь индивидууму, который создаёт свою особую нишу в высшей духовной сфере.

– А я только что слышал от одного человека, что все мысли, которые залетают к нам голову, нам не принадлежат, а как божьи птички, садятся на наши ветки, а потом улетают, – возразил я ему.

И так можно сказать, – согласился он.

И вдруг я увидел её, идущей по аллее нам на встречу.

– О, молодая дева! Ты одержима богом! – воскликнул при виде её Красавчик, – это или Пан, или Геката, или почтенные Корибанты, или Кибела, что возбуждает тебя!

Девушка и в самом деле выглядела красавицей, короткое платье, едва прикрывающее её бёдра, обнажали её стройные длинные ноги. В её чистых голубых глазах отражалось синее небо и весь прекрасный мир, наполненный любовной негой и страстью.

– «Кто ты, прекрасное существо?» – продолжал говорить Красавчик в то время, когда она медленно приближалась к нам, – так обычно восклицает душа, стоящая у врат рая, и слышит в ответ: «Я – твои добрые и чистые мысли, твои деяния и твой благой закон, твой ангел и твой бог». Так соединишься же с ней. Через неё ты познаешь бога и приобщись к вечности. Через неё ты оставишь частичку своей сущности в этом мире, которая будет жить сама по себе уже

независимо от тебя и продолжать своё присутствие в этом мире. Возьми её. Это – твоё счастье, оно само идет тебе в руки.

От его слов я пришёл в неистовое возбуждение. Девушка подошла к нам и удивлённо спросила:

– Так вас двое?! Я не ожидала вас увидеть вдвоём.

– А почему бы нам ни заняться любовью втроём?

– Вы шутите, – сказала она, – или принимаете меня не за ту, кто я есть.

– Ну что вы, – воскликнул Красавчик, – конечно же, это сказано шутки ради. Просто у моего приятеля здесь рядом квартира, куда он нас и приглашает на чай. Вы принимаете наше приглашение?

– С удовольствием, – ответила она.

И мы все втроём направились ко мне домой.

– У вас восстановилось зрение? – спросила девушка, обращаясь ко мне, когда мы поднимались по лестнице.

– Временно, – ответил я ей.

– Как это временно? – удивилась она, улыбнувшись. – Может быть, вы прибегаете к своей мнимой слепоте по необходимости?

– Как это? – уже удивился я.

– Ну, не знаю, – рассмеялась она, – может быть, вы изображаете слепого нищего и зарабатываете на жизнь подаянием.

Я мог обидеться, но почему-то разговор с ней приводил меня только в благодушное настроения, может быть, потому, что её слова были высказаны доброжелательно-игривым тоном.

Я открыл дверь и первым делом запер тебя в другую комнату, а затем впустил их в квартиру. Мы прошли в единственную мою спальню, где царил страшный беспорядок, и постель была ещё разобрана.

– Сразу видна холостяцкая квартира, – рассмеялась девушка. – Да, не чувствуется здесь заботливой женской руки. Если вы не возражаете, я бы могла прибрать немного эту комнату.

– Совсем не нужно этого делать! – воскликнул Красавчик. – Тем более заправлять эту постель.

– Почему? – удивилась девушка.

– Потому что эта постель может нам пригодиться. Зачем её постоянно заправлять, чтобы потом разбирать. Женщины всегда делают много ненужной работы. Они стремятся везде наводить свой эфемерный порядок, тогда как самое естественное и совершенное состояние вещей – первозданный хаос. Сохранению естественного порядка мы могли бы поучиться у древних, которые старались не нарушать равновесие первозданного хаоса, органически вписываться в этот хаос, и гармонично сочетать свой внутренний настрой с мировым порядком, которым и является хаос. Невозможно переделать этот мир, не приспособившись к нему. Впрочем, любая переделка, если она не гармонирует с общим состоянием или устройством всемирного порядка, обречена на разрушение и неудачу. Вы не задумывались над тем, почему любая научная концепция общепринятых взглядов человечества на многие вещи груба и иллюзорна? Не потому ли, что она всегда опирается на разрушительные принципы анализа и неудачные попытки овладения элементарными истинами. Человечество никогда не видело общей картины мира в целом, поэтому всегда скатывалось в то или иное заблуждение. Человеческий разум всегда проявлял ужасающую неспособность проникнуть во внешний мир, да что там говорить, люди не способны заглянуть даже в силы своего человеческого духа, они не знают тех пределов, до которых действует дух, как далеко он простирается, и чему он служит основой. Современная наука превращает будущее в пустоту и лишает человека надежды. Современные религии общества являются скорее разрушительными, нежели благоприятными для

общей духовности и нравственности. Вместо постижения божественных истин, они заботятся только о своём самоутверждении и приобретения влияния в этом мире. И вместо того, чтобы приносить людям добро и пользу, ввергают их в смертельные грехи, насаждают свой злой дух, и выдают его за божью Истину.

Я пошёл на кухню приготавливать чай с мыслью, что Красавчик и в самом деле является виртуозом-соблазнителем и способен заговорить девушку так, что она, сама этого не желая, окажется в постели. Когда я приготовил чай и с подносом, уставленным вазочками варенья и печенья, вошёл в комнату, то к своему изумлению увидел обнажённую девушку, лежащую в моей постели. Рядом с ней лежал Красавчик и ласкал её грудь.

– Присоединяйся к нам, – просто предложил он мне, – и мы продолжим наше духовное общение.

Не знаю, как я оказался в одной постели с Красавчиком и девушкой, которая мне не только нравилась, но по которой я уже сходил с ума от любви. Она лежала между нами, и мы её обнимали и насыщались ею по очереди. Я сам, того не помня, был введён в искушение этим красавчиком – моим неотразимым духом, который всегда ото всех добивался того, чего хотел, который управлял моими чувствами и желаниями. Но я никак не мог понять, добрый этот дух ли злой.

Позднее, анализируя свои поступки, я часто спрашивал себя: кто он? И почему я был так к нему привязан? Почему он довлел над моей волей и принуждал меня к тому или иному действию? И я не мог понять, был ли он богом или сатаной. Потому что и Бог в своё время, становясь пламенным гением, делался искусителем: ожесточил сердце фараона, вложил злого духа в Савла, засылал лживых посланцев к пророкам и соблазнял Давида на грех. Я лишь смутно догадывался, что он наделён божественными атрибутами, и обладает множеством универсалий, которые приближают его к высшим небесным сферам. Мне было совсем не понятно, зачем он ведёт меня тропами испытаний к какой-то известной только ему цели. И только позднее я понял, что мой дух пытается таким образом вывести из состояния томления заключённой в темницу жалкой плоти мою человеческую душу для общения с небесными божественными сферами. Всё эти действия и события он устраивал специально с одной лишь целью введения меня в иное духовное состояние, чтобы приподнять меня над обыденной действительностью. Где я влачил своё жалкое существование, и осветить мой путь светом божественной Истины, пропустив его через тройную призму человеческой природы, и в преломленных лучах спектра высветлить все грани человеческой души, чтобы я лучше понял главные отличия и оттенки человеческих заблуждений и признаков ущербности. И делал он это для того, чтобы я обрёл новое духовное совершенство в постижении тайны, которую мне предстояло разгадать.

Однако мне предстояла сложная работа. И это я осознал в ту самую ночь, когда очутился в одной постели с девушкой, которую полюбил. Я понял, что для постижения единой вечной истины мне было необходимо слиться с моим духом, стать частью его и получить правильное восприятие объективной модели мира, а именно, сделать открытие, что единственный реальный мир есть мир субъективный. Позднее я мог насыщать себя древней мудростью сколько угодно, получать вдохновение от мировых религий, но истинную веру и цель своего служения я должен был узреть в воплощении божественного милосердия в этом мире, что мне помогло в последствие объединиться в служении милосердию с высшими представителями небесных сфер – богами.

Марина, так звали эту девушку, ушла из моей квартиры под утро. Она даже не спросила о том Красавчике, вместе с которым мы улеглись в одну постель. Ещё больше поразил меня тот факт, что она полностью идентифицировала меня с ним.

– Ты был великолепен, – сказала она мне утром, – а твой ум позволяет мне думать, что в нашем мире не перевелись ещё настоящие философы.

Для меня её оценка явилась высшей похвалой. Однако, вспомнив о моей ущербности, я сказал:

– Но я же слепой.

– Какое это имеет значение, – ответила она, – вчера ты наговорил мне столько вещей, которые я не слышала ни от одного мужчины. Ты самый красивый и обаятельный мужчина на свете. А твой ум способен разорвать тьму любой Ночи и превратить её в ясный День, потому что ты смотришь на все вещи не ослеплённым взором и видишь всю правду жизни. Я влюбилась в тебя, и если я тебе нужна, то я буду предана тебе душой и телом.

Я лежал в кровати и думал: «Какие вещи я мог ей наговорить этой ночью?» И ничего не мог вспомнить. «Да, – подумал я, – Красавчик поработал с ней на славу».

Ну, как тебе мой рассказ?

После того, как он всё это мне рассказал, то включил радио и опять попал на радиостанцию STN. Двое бесенком передавали последние известия:

«– Сегодня утром между враждующими группировками бандитов города произошла перестрелка, превратившаяся в кровавую бойню. В результате её погибло тринадцать человек. Все являются членами мафиозных организаций. Были убиты оба главаря враждующих банд», – подобно заправскому репортёру вещал бесёнок тоненьким голоском.

«– Пули свистели как в стрелковом тире на учениях целого взвода нашей доблестной милиции», – вторил ему бесёнок низким хулиганским голосом, – «однако наши храбрые защитники общественного порядка предпочли отсидеться в своём околотке и прибыли на место преступления лишь после того, как последний раненный испустил дух».

«– Разборка, вероятно, произошла на почве выяснения причастности к ограблению банка. Так что мэр, присвоив денежки налогоплательщиков, умудрился враз покончить с криминалом в городе. Ай, да умница! Одним выстрелом убил сразу двух зайцев, и сам не остался в накладе».

Услышав эту новость, мой хозяин пришёл в неописуемое волнение. Схватив свою тросточку, он стал ходить по комнате, натываясь на мебель, и проговорил, как бы про себя, но вслух:

– Думаю, что девушка, которую я встретил позавчера в ресторане, должна радоваться. Она наконец-то освободилась от своего жениха-бандита.

Он так волновался, что переключив приёмник на «Радио-Культура», и стал слушать отрывок из оперы «Волшебная флейта» Моцарта.

Это его, вероятно, немного успокоило, но он всё равно продолжал говорить вслух, думая о чём-то своём. Такая уж у него привычка, к которой я со временем тоже привык.

– Ну, надо же, – говорил он, – не было ни одной девушки и вдруг сразу появилось две. Вот как распорядилась судьба! И всё это произошло в течение этих двух дней. Та девушка из ресторана, несомненно, красивее Марины, но мне показалось, что жизнь сделала её циничнее и грубее, может быть, потому, что она соприкоснулась с преступным миром. Но с другой стороны её образ в моём воображении ассоциируется с жертвой, захваченной насильниками. И, как у любого мужчины, в моей душе возникло щемящее чувство безнадёжности от сознания моего бессилия и неспособности помочь той, которая уже стала моей женщиной. Я не мог защитить её. У меня отняли её. Вероятно, поэтому меня влечёт к ней сильнее, чем к Марине.

Он прошёлся по комнате, и чуть не отдал мне лапу. Я еле увернулся от его тросточки.

– Да, – продолжал он, – Марина, происходит из благополучной семьи, училась в университете. Я думаю, что она превосходит ту несчастную девушку в интеллекте и образованности. С ней мне было интересно общаться этой ночью. Однако, сравнивая их, я не могу разобраться в своих чувствах, понять, кто же из них по-настоящему ближе мне и желаннее, кому больше принадлежит моё сердце. У Марины я был уже не первым мужчиной, та же незнакомка при-

надлежала только мне одному. Как бы там не было, но, наверное, так случается с каждым. В силу ответственности или из-за чувства собственности у каждого мужчины рождаются особые чувства к девственнице, которую он сделал женщиной. Но вот что интересно. Мне одновременно хочется видеть Марину и ту девушку, имени которой я даже не знаю. Моё чувство симпатии раздвоилось, и душа не может сделать выбор и найти своё место между двумя разными полюсами. Как ты думаешь, что мне делать?

Это он обратился ко мне, как к своему молчаливому собеседнику. Он такое часто проделывал. Задаст мне вопрос, а потом сам же на него отвечает. И в этот раз было так же.

– Да-да, понимаю. Ты говоришь, что Марина пообещала прийти ко мне ночевать через день, так как этим вечером должна была выйти в смену на ночное дежурство.

Я ему никогда такого не говорил. Некоторое время мой хозяин ходил по комнате погружённый в свои мысли, затем оделся, взял свою тросточку и вышел из дома. Я опять остался один. Интересно знать, что он мне расскажет, когда вернётся домой? Признаюсь, что я очень сомневаюсь в достоверности всех его историй.

Третий рассказ хозяина

Когда мой хозяин вернулся домой, то стал мне рассказывать странные вещи.

Попрощавшись, я отправился в среднюю школу к Василию Антоновичу.

Во второй половине дня занятия в школе уже закончились. Школа сразу же опустела. Обычно в это время года многие родители привлекали своих детей к сельскохозяйственным работам на дачах и приусадебных участках. Всех лихорадила горячая страда – время сбора урожая.

Придя в школу, я поднялся на второй этаж и постучал в двери физической лаборатории. Через некоторое время, как мне показалось, за дверью возникла возня, и слышал недовольный голос Василия Антоновича.

– Кто там? – спросил он, не открывая дверь.

Такого с ним раньше не случалось.

Я назвал себя. Он попросил меня подождать. В ожидании я ломал голову над тем, что у него могло там стрястись. Когда мне надоело ждать, я опять постучал и услышал раздражённый голос Василия Антоновича.

– Ну, что ты ломишься как медведь?

– Да что произошло? – спросил я через дверь обеспокоено. – Почему ты не впускаешь меня к себе?

Василий Антонович быстро отворил дверь.

– Ты всегда ни вовремя приходишь, – проворчал он. – Мешаешь мне работать. Что стряслось?

– Это я у тебя должен спросить, что стряслось?

– У меня всё в порядке. Просто, дел – по горло. Я очень занят.

– Ты всегда очень занят. Я это знаю, – заметил я.

– Ну ладно, проходи и рассказывай, что тебя привело ко мне на этот раз.

Я не переставал удивляться. Василия Антоновича словно подменили. Обычно он брал меня за руку и провожал до стула. Сегодня он этого не сделал.

– Куда можно сесть? – спросил я его.

– Справа от тебя стул.

Ощупью я нашарил стул и осторожно опустился на него. В лаборатории было душно.

– Ты не откроешь окно? – попросил я его. – А то дышать нечем.

– Нет, – резко сказал он мне, как отрезал.

Я всё больше и больше не понимал его поведение. С ним явно что-то происходило.

– Так зачем ты пришёл? – спросил он меня деловито.

Мне показалось, что мы в лаборатории ни одни. Чтобы в этом удостовериться, я задал ему провокационный вопрос:

– Я могу всё говорить? Нас никто не подслушает?

– Кто нас может подслушать? – удивился он. – Насколько я знаю, в лаборатории нет подслушивающих устройств.

Вдруг я услышал в дальнем углу шум и звон падающей на пол монеты.

– Ты, случайно, не прячешь тут у себя никакую ученицу? – спросил я, улавливая ушами непонятные шорохи.

– На что ты намекаешь? – возмутился Василий Антонович. – Неужели ты считаешь меня педофилом?

– Ну, всякое может быть, – развёл я руками.

– Если ты ещё раз об этом скажешь, то я дам тебе по физиономии, – угрожающе заявил он. – Не посмотрию, что ты слепой.

– Извини, – сказал я ему и, как ни в чём не было, стал рассказывать ему о событиях прошлого дня.

Сообщение о моем походе к колдуну Франсуа не вызвало у него никаких эмоций или комментариев, но, когда речь зашла о нищем, знакомившим меня с колобком, он вдруг разволновался и попросил меня рассказать обо всём этом происшествии поподробнее. Когда я с удивлением выполнил его просьбу, он стал задавать мне вопросы: разговаривал ли со мной колобок, как он выглядел, и где можно разыскать этого нищего. Я не переставал удивляться. Его внимание также привлёк случай со странным посетителем в кафе «У порога», когда тот пытался через форточку улететь на небо. О своих любовных приключениях я умолчал.

Во время моего рассказа я явственно слышал негромкий хохот всё в том же углу лаборатории, но своим видом показал, что это меня не касается.

Выслушав мой рассказ, Василий Антонович задумался. Вдруг я услышал грохот. Как будто тяжёлый ящик свалился со стола на пол, и по лаборатории запрыгали мячики.

– Что происходит? – воскликнул я, леденея от страха. – Я же слышу, что кто-то здесь есть.

Голос Василия Антоновича донёсся из глубины лаборатории:

– Никого здесь нет. Рассыпались мои экспериментальные образцы.

– Что это ещё за образцы? – недоверчиво спросил я. – Может быть, тебе помочь?

– Ничего не нужно делать. Сиди на месте и не двигайся, – последовал ответ, больше похожий на приказ.

Я застыл на месте, боясь пошевелить рукой или ногой. Василий Антонович, как мне показалось, что-то собирал с пола.

– Может быть, ты мне объяснишь, что здесь происходит? – наконец, потеряв терпение, спросил я его напрямую.

– Ничего здесь не происходит, – ответил мне Василий Антонович, занятый своей работой.

– Не нужно мне рассказывать сказки! – вскричал я, выходя из себя больше от страха, чем от неизвестности. – Если ты считаешь, что я слепой и меня можно дурачить, потому что я ничего не понимаю, то ошибаешься. Не забывай, что и я обладаю аналитическим умом, и давно заметил, что у тебя в лаборатории не всё в порядке. Я знаю, что здесь происходят разные странности. Более того, скажу тебе, что твои исследования меня очень беспокоят. И я боюсь, что всё может закончиться плачевно и обернуться катастрофой для тебя.

Последние слова я сказал, беря его на пушку. Эти фразы пришли мне на ум неожиданно. Даже сейчас не могу понять, почему я так сказал тогда. Может быть, сработала интуиция. Но, как ни странно, мои слова возымели действие, он раскололся. В начале он ничего мне не ответил, но я почувствовал его обеспокоенность. Развивая успех моей атаки, я разразился монологом и основательно добил его своей несокрушимой логикой, как тонкий психолог.

– Я всегда рассказываю тебе обо всём честно, не кривя душой, как оно есть на самом деле, – говорил я ему. – А ты, пользуясь моей доверчивостью, держишь меня за дурака, используешь как своего шпиона. Мне известно больше, чем ты думаешь. Хотя ты мне ничего не объясняешь. Ты же не хочешь, чтобы я обращался за объяснением к кому-то другому. А такие люди, интересующиеся твоими работами, найдутся. Будь спокоен. И всё выплывет наружу. Вот если бы ты рассказал мне всё без утайки, то я бы хранил твой секрет в тайне, как в могиле. И, может быть, даже чем-то помогу тебе.

– Не, ладно, – наконец, сдавшись, сказал он мне, – сейчас я всё приведу в надлежащий вид, и мы поговорим.

Мне пришлось ждать довольно долго, пока он наводил порядок в лаборатории. Наконец, освободившись, он сел возле меня и начал говорить:

– Ты же знаешь, – были его первые слова, – что фундамент человеческих знаний складывается по кирпичику. Из века в век каждый учёный вносит свою скромную лепту в копилку

мировых открытий. Так мы, исследователи, шаг за шагом продвигаемся вперёд, познавая природу и окружающий мир, создаём новую философию, модифицируя стиль своего мышления. После совершенной Декартом революции метода в истории Спиноза выдвинул программу детерминированной системы мира, положив её в основу монистической концепции единой субстанции.

– Можно без этих долгих предисловий? – не вытерпев, я заёрзал на стуле.

– Никак нельзя, – спокойно ответил он. – Иначе ты ничего не поймёшь.

– Я и так ничего не понимаю, – заметил я ему.

– Так вот, – продолжал он, как ни в чём не бывало, – наберись терпения и слушай дальше, если что-то хочешь понять. Лейбниц перенёс акцент на автономные детали мироздания. Основой их индивидуализации были силы. Картина мира стала плюралистической системой бесчисленных субстанций, динамических по своей природе. В дальнейшем был открыт плюрализм самих этих сил, плюрализм законов, отсутствие тождественности казуальных связей, скрепляющих детали мира в единое целое. Ученые с каждой эпохой всё больше понимали, что в нашем мире не всё так просто, как кажется на первый взгляд. Наши знания усложнялись, выявлялись иерархии законов, сил, казуальных связей, форм движения.

В это время я услышал глухой удар в стену и вздрогнул. Однако Василий Павлович, как ни в чём не бывало, продолжал говорить:

– Открытия Ньютона, Канта, Макса Борна последовательно расширяли представления о нашем мире, натываясь на новые загадки, которые ставила перед нами действительность. Одни учёные преодолевали заблуждения других ученых и делали собственные открытия. Так, Эйнштейн говорил, что теория относительности не могла бы появиться без преодоления кантианской априорно-субъективной трактовки геометрии. Она не могла бы появиться без радикального перехода от концепции пространства и времени как форм созерцания к концепции объективного пространства-времени. Но, замечу, что теория относительности была результатом применения к физическим теориям уже известных нам критериев внутреннего совершенства и внешнего оправдания.

– Говори по существу, – теряя терпение, опять перебил его я. – И если хочешь, чтобы я что-то понял, говори доходчиво без всяких теоретических углублений.

– Хорошо, – согласился он, – но, чтобы ты меня лучше понял, я дам тебе последнее теоретическое объяснение. В теории относительности есть такое понятие «принципиальной наблюдаемости». Математики Лобачевский и Риман, отстаивая в области дискурсивного мышления, из которого Кант изолировал созерцание, доказывали возможность экспериментальной проверки. И когда общая теория относительности, сделав выбор исходных геометрических аксиом физической проблемой, внесла в геометрию онтологические критерии и экспериментальные выводы, то она окончательно похоронила трансцендентальную эстетику. Однако...

– Проще! – взмолился я. – Говори ещё проще. Я же не учёный-физик и не математик. Не забывай об этом.

– Да, да, – поддакнул он, продолжая, – сейчас мы подходим к главному. «Наблюдатели», приложившие руку к исследованиям в изложении теории относительности, отнюдь не имели в виду субъективизацию физических процессов и их неотделимость от наблюдаемости. Потому что между такой концепцией и субъективизацией физического мира такое огромное различие, что его можно назвать пропастью. И эта пропасть, практически, отделяет исключаящие одно другого мировоззрения. В кантианской философии в XIX веке появились так называемые «двумерные наблюдатели», которые не могли составить представление о третьем измерении. Современные исследователи, работая в двумерном измерении, энергично движутся из одной точки сферической поверхности в другую. Но в отличие от кантианских наблюдателей, они имеют ясное представление о третьем измерении, не входящем в их непосредственное субъективное созерцание. Эти исследователи обнаруживают нарушение евклидовых соотношений

и интерпретируют такое нарушение как кривизну своей двумерной поверхности. Тем самым третье измерение входит в их опосредственное дискурсивное созерцание. На этих основаниях, углубляя моё исследование, я пошёл дальше и открыл четвертое измерение.

– Ты открыл четвёртое измерение? – удивился я. – Открыл, и никому – ни слова?

– Но тебе-то я говорю, правда, под большим секретом, – молвил Василий Антонович.

– Это почему же? – удивился я. – Почему ты говоришь мне это под секретом?

– Потому что ещё не известно, что из всего этого вылезет. Дело в том, что я соприкоснулся с другим миром. Я открыл «Антимир». Или можешь называть его ещё «Параллельный мир». Пока что я его основательно ещё не изучил, но больше склоняюсь назвать этот мир «Абсолютным пространством». Если ты желаешь, я могу тебе пояснить, почему так считаю.

– Желаю, – с готовностью ответил я.

– Видишь ли, ещё до своего открытия я обратил внимание на современные представления о симметрии и чётности, которые начали развиваться во второй половине 50-х годов XX-го века после открытия в физике не сохранения чётности при слабых взаимодействиях. В случаях распада частиц, вызванного слабым воздействием, их правая и левая стороны становятся несимметричными. Если заменить правовинтовую систему координат левовинтовой, иначе говоря, при зеркальном отображении, изменяется волновая функция частицы. Таким образом, частица оказывается чем-то вроде человека, который обнаруживает, как в твоём случае, в зеркале новые, не свойственные ему самому внутренние соотношения и особенности поведения. Но отражение человека в зеркале было для Канта наряду со второй перчаткой или второй рукой доказательством необходимости сослаться на Абсолютное пространство, потому что существовала презумпция идентичности внутренних соотношений в правой и левой руках, правой и левой перчатках, в предмете и его зеркальном отображении. Их неконгруэнтность указывала на участие пространства как такового в демонстрируемом неконгруэнтностью различии. Последнее нельзя объяснить логически, дискурсивно, поэтому оно представляется чисто наглядным и переносится вместе с абсолютным пространством в область чистого созерцания. Но несохранение чётности устраняет не только абсолютное пространство, в том понимании, которое существовало раньше, но и самые общие посылы трансцендентальной эстетики, поскольку оно демонстрирует дискурсивность наблюдения и его неотделимость от объекта наблюдения. Однако несохранение чётности комбинируется с преобразованием заряда, этот процесс меняет собственно физические свойства, отнюдь не входящее в чистое созерцание, то есть в созерцание, независимое от объекта, обладающее априорной пространственно-временной рамкой. Нам не стоит забывать, что реальность – это наш физический мир, иными словами, материя. Поэтому мы должны держаться за неё обеими руками, если не хотим выпасть из её поля зрения.

– Я опять перестаю тебя понимать, – воскликнул я в отчаянии.

– Это ничего, потерпи, – сказал он, – сейчас я перехожу от теории к практике. Из всего мною сказанного, ты, наверняка, понял, что я, открыв четвёртое измерение, посмотрел на так называемое Абсолютное пространство ни кантианским, а своим собственным взглядом и окрестил его для себя «Иным миром». После этого я занялся практикой и стал пытаться найти тот мир, как бы пощупать его вещественную часть. И знаешь, что мне помогло это сделать?

– Даже не догадываюсь, – ответил я.

– Мне помогли сделать это последние исследования наших астрономов, пытающихся понять законы Вселенной. Как ты знаешь в середине XX-го века они пришли к парадоксальному выводу, что в звёздах нет вообще никакого источника энергии. Звёзды горят, излучая тепло и свет, за счёт заимствования энергии извне, как своего рода зеркала или экраны отражения. Конечно, зеркалами их назвать слишком примитивно, но как говорил физик Клазиус в середине XIX века: «Теплота не способна сама собой переходить от более холодного тела к более тёплому». Это его утверждение, вроде бы очевидное, тем не менее, вызвало бурю протестов со стороны Тимирязева, Столетова, Вернадского и Циолковского. Как так, говорили они,

выключенная лампочка гаснет и становится всё более холодной, и никто не видел, чтобы она, забирая тепло и энергию из окружающего пространства, вдруг загоралась и начинала нагреваться. Из этого следовало, что все тела самопроизвольно охлаждаются, теряя свою энергию, в том числе и звёзды. В результате чего Вселенная может погаснуть и наступит конец света.

– Ты меня пугаешь, – сказал я.

– Многие умы пытались разгадать загадку, почему звёзды светят, – не обращая на мои слова, продолжал говорить Василий Антонович. – В конце XIX века Гельмгольц и Кельвин разработали теорию о том, что звёзды являются огромными сгустками газа. Сжимаясь под действиями гравитации, они нагреваются до миллионов градусов и обогревают Вселенную. Но по их теории получалось бы, что наше Солнце отдало бы всё своё тепло задолго до проявления жизни на Земле. Затем были теории ядерных и термоядерных реакторов, но все они оказались несостоятельными, потому что эксперименты и расчёты показали, что температура внутри Солнца гораздо меньше той, что требуется для поддержания термоядерной реакции. Получается, что недостающую энергию звёзды берут из окружающего пространства. Но как они это делают?

Задал вопрос Василий Антонович и погрузился в молчание.

– Ты меня об этом спрашиваешь? – заёрзал я на стуле и подал свой голос. – Ты хочешь, чтобы я тебе это сказал?

Василий Антонович рассмеялся и ответил:

– Скажи, если можешь.

Я только развёл руками.

В это время я ощутил болезненный щелчок в лоб. Как будто Василий Антонович, дурачась, подобно озорному школьнику, поставил мне шелбан, как это обычно делают сверстники в школах. Я не знал, как отреагировать на это действие и промолчал. Василий Антонович тоже ничего не сказал мне.

– Так вот, – продолжил он, – само по себе пространство не может быть источником энергии. Для этого оно достаточно пассивно. Но пространство неотделимо от времени и вместе с ним составляет единый уникум. А само время есть, не что иное, как двигатель, который вырабатывает энергию. Поток времени – это гигантская сила, и она подчиняется закону сохранения энергии. В природе всё закольцовано. Я это понял. Истраченная энергия через поток времени возвращается к звёздам и заряжает их вновь энергией. Так же как на земле происходит круговорот воды в природе, так и в Космосе происходит круговорот энергии в природе. Здесь нет никакой мистики или загадки. Время, замыкаясь на вечность, регулирует все наши процессы. Вглядываясь во Вселенную, мы наблюдаем работу вечного двигателя – *Perpetuum mobile*.

– Но как это происходит? – удивился я.

– Механизмы всего этого нам пока ещё не известны, – сказал он, – правда, есть некоторые предположения. Я не хочу терять время, объясняя тебе все связанные с этим феноменом теории, выдвинутые наукой. Расскажу тебе лишь о своём открытии, которое, скажу тебе с гордостью, ставит меня в один ряд с Кантом, Гегелем, Эйнштейном, а, может быть, и чуть выше их. Несколько лет назад я заинтересовался всеми этими проблемами и, используя модель звезды, попытался создать некий нейтральный сверхпроводимый материал, способный привлекать к себе или выловить из космоса энергию, нечто вроде аккумулятора космической энергии. Я надеялся создать нечто похожее на шаровую молнию, которую можно было бы использовать как источник энергии в народном хозяйстве. Правда, я знал об опасности этого эксперимента, потому что мне удалось прочитать некоторые секретные материалы международного агентства НАСА, в которых говорилось об эксперименте, проводимом в Японии. Там учёные установили возле старых высоких деревьев электронные ловушки, в которые хлынула энергия из антимира, и чуть было не привела нашу землю к катастрофе. Если бы не помощь двух буддистских монахов, вернее, трёх мудрецов Будды, Моисея и Иисуса, то наш мир уже сейчас прекратил бы своё

существование. Все материалы были засекречены, а на работы по привлечению потусторонней энергии был наложен строгий запрет для учёных всего мира. Поэтому, ты понимаешь, почему я работал втайне от всех.

– Понимаю, – ответил я, потирая ушибленное место на лбу.

– Так вот, – продолжил он, – посредством химических превращений я нашёл такой сверхпроводимый нейтральный материал, который напитывается энергией извне. Но к моему удивлению, эта масса стала вбирать в себя ни какую-нибудь там известную мне энергию, а ...

Он замялся, как бы подбирая точное выражение тому, что он хотел сказать.

– ...а нечто такое, что можно сравнить с живой энергией, неким невидимым биополем, над происхождением которого я до сих пор ломаю голову. Я не знаю, откуда берётся эта живая энергия, и как она преобразуется в этой массе, но вот результаты, которые я получил, не очень утешительные.

– Почему? – спросил я, затаив дыхание.

– Дело в том, что ситуация выбивается из-под контроля, и я не знаю, что делать дальше.

– Так что же ты создал такое? – в ужасе спросил я.

– Это нечто подобия шариков. Кстати, они сами принимают для себя оптимальные размеры и формы из той массы, которую мне удалось приготовить. На вид они похожи на шарики из хрусталя. Свободно перемещаются в пространстве. Могут говорить, смеяться и проявлять разные человеческие эмоции.

– Так значит, тот колобок, который мне дал подержать нищий в сквере, является продуктом твоей научной деятельности? – спросил я, приходя ещё в больший ужас.

– Да, – ответил он. – Дело в том, что около четырехсот шаров вылетело в открытую форточку, когда ночью непроизвольно сам открылся холодильник.

– И сколько же у тебя этих шаров?

– Уже более двух тысяч. Но они продолжают размножаться, отделяя от себя часть созданной мною массы. Неделю назад они попросили меня увеличить производство массы, но я им сказал, что у меня нет денег для покупки нужных для этого ингредиентов. И знаешь, что они сделали?

– Что? – обалдело спросил я, не совсем врубаясь в то, что он мне говорил.

– Мне трудно об этом говорить. Но они ограбили банк.

– Как ограбили? – воскликнул я, подпрыгнув на стуле.

– Позавчера двое бродяг принесли мне в лабораторию несколько сумок, набитых деньгами. Я сразу понял, что эти бродяги невменяемы. Они оставили у меня в кабинете эти сумки и, ничего не говоря, ушли.

– И что? Эти деньги сейчас находятся у тебя?

– Да, – ответил он взволнованно, – они стоят в углу, и я не знаю, что с ними делать.

– Но из-за этих денег погибли люди, – вымолвил я, – правда, эти люди – бандиты, и рано или поздно они всё равно бы заплатились жизнью за свои преступления, но всё равно ...

– Но что ты травмишь мне душу! – расстроено воскликнул Василий Антонович. – Я и так не нахожу себе места.

– Извини, – сказал я. – Но на меня всё это произвело такое впечатление, что я сам не знаю, что говорю. Кстати, когда я летел вместе с моим Красавчиком над городом, то видел, как эти двое бродяг грабили банк.

– Я думаю, что они даже не сознавали, что делают, – заметил учитель, – эти шары явно контролировали их сознание. А сейчас я даже не знаю, что делать с этими деньгами. Вернуть их в банк я не могу, потому что там спросят, как они ко мне попали. Что я им скажу?

– Да, – кивнул я головой, – ситуация, хуже не придумаешь. А где они сейчас, эти шары?

– Часть их закрыта в холодильники, а часть летает по лаборатории.

– А, понимаю, – заметил я, потрогав на лбу шишку, – это, значит, один из них мне только что отвесил щелчок.

– Ну, не я же, – сердито буркнул Василий Антонович.

– А почему они летают? – спросил я.

– Не хотят сидеть в холодильнике. Взбунтовались. Кое-кто из их друзей вернулся с улицы и рассказал им, какой там прекрасный мир, и они захотели увидеть его своими собственными глазами.

– У них даже есть глаза? – удивился я.

– Не знаю, – ответил он, – но они всё прекрасно видят. Поэтому я и держу окна закрытыми. Не выпускать же их всех наружу. Ещё неизвестно, что они там натворят.

И вдруг меня осенила мысль.

– Так вот оно что! – воскликнул я. – Сейчас я понимаю, откуда взялся мой Красавчик. Вероятно, он тоже выпрыгнул из твоей колбы.

– Всё может быть, – согласился со мной Василий Антонович, – но ты мне лучше скажи, что мне делать в этой ситуации. Сейчас я даже учеников не могу запустить в мою лабораторию.

– Но и выпускать их всех на улицу нельзя, – заметил я.

– Согласен, – молвил он. – Но не знаю, как долго удержат их эти стены.

– А нельзя эту ситуацию повернуть в изначальную стадию? – спросил я учителя.

– Ты имеешь в виду их уничтожение? – уточнил он.

Я кивнул головой.

– Это исключено. Во-первых, такое сделать уже невозможно. Я выпустил джина из бутылки. Сейчас эта энергия сильнее меня. И, во-вторых, я бы не хотел их уничтожать, потому что, как ни как, они являются как бы моими детьми. Ведь я их всех породил. Разве человек может уничтожать своё творение? Я на такое не способен. Думаю, что это под силу только одному Богу, и то не известно, уничтожает он свои творения или видоизменяет их.

– А какие они, эти шары? – спросил я его.

– В спокойном состоянии прозрачные. Но когда испытывают эмоции, то приобретают разные цвета. Например, сейчас многие из них красные. А это говорит о том, что они очень разозлены.

– И тот, который заехал мне в лоб, тоже красный?

Василий Антонович ответил на мой вопрос утвердительно.

– Тогда нам здесь не безопасно оставаться, – высказал я своё суждение, – кто их знает, что им взбрёт в голову.

– Может быть, ты и прав, – молвил Василий Антонович, приняв вдруг решение, – давай оставим всё как есть. Утро вечера мудренее. Завтра что-нибудь я придумаю. А то у меня от этих проблем голова уже раскалывается от боли. Пойдём, прогуляемся по бульвару, подышим свежим воздухом. Может быть, встретим того нищего и расспросим его о колобке. Меня сейчас больше всего интересует, как они ведут себя на воле.

Я с готовностью поднялся со стула, единственным желанием у меня было унести быстрее ноги из этого места. Василий Антонович запер лабораторию, мы вышли из школы и направились на бульвар.

Не найдя нищего на бульваре, мы прогулялись по аллеям и присели отдохнуть на скамейке, недалеко от гостиницы «Интурист». Кожей лица я ощущал дуновения лёгкого ветерка и приятную теплоту лучей вечернего солнца.

– Знаешь, – сказал мне Василий Антонович, – я тебе ещё не рассказал о некоторых особенностях этих шаров. Иногда они из твёрдого состояния могут переходить в газообразное, и принимать разные формы. Вначале, когда я их только создал, то насмотрелся на такие чудеса, что сейчас я уже ничему не удивлюсь. Если бы только видел, что они вытворяли.

– А что же они делали? – с интересом спросил я.

Василий Антонович, некоторое время молчал, по-видимому, предаваясь воспоминаниям, а затем начал свой рассказ:

– Для меня было самым большим потрясением, когда они ожили. Первое впечатление об этом событии до сих пор хранится в моей памяти так явственно, что я и сейчас всё это вижу, как будто в моей голове постоянно прокручивается одна и та же кинолента. Тогда из приготовленной мной сверхпроводимой массы я наделал несколько десятков колобков и решил провести с ними эксперимент по обжиганию в микроволновой печи. Я просто хотел проверить, насколько созданный мной материал прочен после обжига. Как только я загрузил их в микроволновку и подключил питание, там началось такое, что печь заходила ходуном. Колобки барабанили в дверцу с такой силой, что подняли невообразимый грохот. Я думал, что вся школа сбежится в мою лабораторию. Я тут же отключил печь и открыл дверцу. Они вылетали из печи как пули из ружейного ствола и кружили вокруг меня как осы из потревоженного улья. Я застыл на месте, не смея пошевелить ни рукой, ни ногой. Потом они летали по всей лаборатории, но затем, успокоившись, поутихли и стали опускаться на пол, на столы, на шкафы, на всё, что попадалось им под руку. Одним словом, они вели себя как живые существа. Когда я немного пришёл в себя, то понял, что создал нечто такое, чему до сих пор не могу найти объяснения. Я стал их рассматривать, осмелился даже брать руками. Они походили на прозрачные шарики и были все одинакового размера. Когда я собрал их всех в одну коробку, то, почему-то, вспомнил произведение Германа Гессе «Игра в бисер». Нет, они совсем не походили на бисер, потому что были крупнее размером, но выглядели такими же гладкими стекляшками, которыми так и хотелось поиграть. Некоторое время я так и делал. Брал в руки, перекачивал по столу, подбрасывал в воздух и ловил. Они были спокойными и ни на что не реагировали. Вначале я подумал, что они так и будут оставаться в покое, но прошло некоторое время, и они опять ожили. Это случилось после одного урока – лабораторной работы. Я держал их в коробке на шкафу, в котором хранил разные приспособления и наглядные пособия для уроков механики. Так вот, когда ученики закончили свои опыты с электричеством и, сдав мне свои тетради, отправились по домам, вдруг эти шарики начали выскакивать из коробки, подлетать к приборам, вырабатывающим при помощи крутящихся дисков и щётки статическое электричество и, каким-то чудом привели в действие приборы. Представляешь? Через некоторое время, эти мини электростанции на всех столах работали с таким ускорением, что лабораторию начали из угла в угол простреливать самые настоящие молнии и возникать электрические дуги. Сами шары, попадая в зону их действия, заряжались электричеством и начинали святиться, как самые настоящие шаровые молнии. Глядя на всё это, я чуть не свихнулся. Да и не мудрено было сойти с ума, видя все эти превращения. Но дальше было ещё интереснее. Зарядившись, они вдруг начали менять свою форму и превращаться в некие подобия моих учеников.

– Как? – услышав эти слова, вскричал я. – Они стали превращаться в учеников?

– Нет, не совсем так, – поправил меня Василий Антонович. – Они не были моими учениками. Я это сразу понял. Потому что их тела были полупрозрачные, как бы состоявшие из светящегося газа. Знаешь, как в фильмах представляют призраков. Так вот, они походили на призраки, но не были призраками, потому что могли разговаривать голосами моих учеников, и представляли собой некие сущности, похожие, проникшие в наш мир из другого измерения. Я думал, что за тот вечер поседею. Помнишь, я тебе говорил о физических явлениях и о частицах, оказывающихся чем-то вроде человека, который обнаруживает в зеркале новые, не свойственные ему самому, внутренние соотношения и особенности поведения? Так вот, все эти сущности были намного умнее моих учеников. Даже самые отстающие ученики в тот раз выполнили все контрольные работы блестяще. Я попробовал проверить их знания, и оказалось, что они знают физику лучше, чем я. Так получилось, что в том классе у меня было тридцать учеников, приблизительно столько же было и шаров в ящике, и каждый из них выбрал себе

свой образ, соответствующий образу понравившегося ему ученика. Но различие между образом и самим учеником всё же были. Понимаешь?

– Понимаю, – догадался я, – эти образы были как бы более совершенными, чем сами ученики.

– Вот именно! – воскликнул он. – Их неконгруэнтность указывала на участия некоего пространства, из которого поступала некая энергия, проецирующая на нашу действительность своё видение наших проблем и демонстрирующая этой неконгруэнтностью различия между нашими интеллектуальными способностями и их мыслительными возможностями. Понимаешь? Они, посредством этих образов показывали нам идеальную модель индивидуума, каким бы мог стать любой мой ученик.

– Вот оно что!?! – воскликнул я. – Вот сейчас я полностью уверен, что мой Красавчик – дело твоих рук. И он положил на меня глаз именно в твоей лаборатории. Это, наверное, случилось в тот раз, когда я заносил тебе книгу Диогена Лаэртского. Как раз после этого и начались мои контакты с этим субъектом, который хотел мне внушить, что он и есть я.

– Всё может быть, – поспешил согласиться со мной Василий Антонович.

– В таком случае мне становится многое понятно из того, что произошло со мной в последнее время, – заметил я. – И особую значимость приобретает твоя роль, которую ты сыграл во всех моих перипетиях.

– Ты уж извини меня, – молвил Василий Антонович виноватым голосом, – от этих моих исследований, последнее время, только одни неприятности.

– Но я тебя ни в чём не виню, более того, я даже в чём-то благодарен тебе, – молвил я. – Как ни как, а эти приключения как-то разнообразили мою скучную жизнь. К тому же, я, благодаря твоим открытиям и достижениям, за долгое время впервые увидел белый свет. Но как могло случиться, что эти шарики ожили?

– В этом-то и весь секрет, – молвил Василий Антонович. – Я думаю, что созданный мной материал – та сверхпроводимая масса – стала ловителем из космоса живой энергии.

– Но каким образом?

– Мне трудно это понять, опираясь только на одну науку, которая, по мнению этих шариков, находится на земле ещё в зачаточном состоянии. Но безусловным является тот факт, что весь космос проникнут этой живой энергией. Я думаю, что само время и есть поток живой энергии. И если в него поместить космическую вертушку, то она закрутится. Эта живая мылящая энергия наполняет все рождающиеся на земле биологические существа. Тело, умирая, отдаёт эту энергию космосу, который наполняет ею следующее народившееся тело. И так происходит череда передач этой энергии, которая у буддистов называется перерождениями. Поэтому, вероятно, и существует закон сохранения энергии. Потому что энергия никуда не исчезает. Почему одинаковые мысли приходят людям разных поколений независимо от того, соприкасались они с этими знаниями, или нет.

– Но как эта энергия внедряется в твою примитивную, сверхчувствительную массу, которая даже не имеет мозгов?

– Природа имеет разные механизмы. Ты же не удивляешься, когда из металлической коробки слышишь музыку, а при помощи сотового телефона можешь знакомиться с людьми, которых совсем не знаешь. Так и с проникновением этой энергии. Мы не знаем, откуда она к нам приходит, и куда потом девается. Мы ничего не знаем о тайнах природы. Может быть, при помощи этих шаров с нами общаются звёзды.

– Ну, ты и скажешь? – разведя руками в стороны, сказал я.

– А что здесь, собственно, говоря, фантастического? – спросил меня Василий Антонович. – Вся Вселенная состоит из звёзд разных классов, также, как и всё человечество состоит из разных индивидуумов, и каждый из них настроен на свою частоту. Откуда нам известно, что за энергию мы получаем из космоса через наше мыслительное приёмное устройство, наш

мозг, который абсолютно не исследован учёными. Мы совсем не знаем, что такое душа. А что такое звёзды? Возможно, что небесные светила – живые организмы. Учёные обратили внимание на двойные звёзды. Эти образования могут состоять из звёзд разных классов, но, объединившись в пару, они обретают удивительно схожие черты – одинаковую яркость, спектральный тип. Возникает впечатление, что главная звезда воздействует на свой спутник и постепенно передаёт ему нечто, изменяющее его облик. Но как она это делает? Вот в чём вопрос. Межзвёздные расстояния достаточно велики, чтобы исключить влияние обычных силовых полей. На таких расстояниях работают только силы гравитации и время.

– Постой! – воскликнул я. – Неужели, объединившись в пару с моим двойником, я тоже стану похожим на него?

– Всё может быть, – сказал задумчиво Василий Антонович.

Но вдруг он произвёл хлопок ладонями и воскликнул:

– Эврика! Если мы будем рассматривать время, как живую мыслящую энергию, то становится понятно, почему чувствительные натуры могут предсказывать будущее. Ведь время связывает прошлое и будущее. А это значит, что человек, удерживаемый гравитацией в одной системе, способен через время связаться с другой системой, а именно той, которая уже образовалась в будущем. Ибо всё наше существование в космосе, в этом бескрайнем пространстве, пронизаны двумя везде действующими силами: гравитацией и временем.

После этих слов раздался ещё один хлопок, но где-то уже в стороне от нас, и был похож на взрыв.

– Что такое? – воскликнул Василий Антонович. – Что случилось?

Он явно занервничал. Через несколько минут раздалась сирены пожарных машин.

Что происходит?! – опять воскликнул он. – Пожарные едут по направлению к моей школе. Ты извини, но я побежал. Посмотрю, куда они направляются.

Я услышал его быстро удаляющиеся шаги. Меня тоже заинтересовало это происшествие. Встав со скамейки, я направился в сторону гостиницы «Интурист», пересёк автостраду, по которой проследовало ещё две пожарных машины. Откуда-то сверху я услышал женский голос:

– Школа горит.

Пройдя через дворы, я вышел к школе, где, судя по голосам, уже столпился народ, в воздухе чувствовался запах гари, гудели моторы насосов нескольких машин, слышался плеск воды из брандспойтов.

– Что происходит? – спросили я первого человека, находившегося неподалеку от меня мужчину.

– Вы, что же, не видите? Школа горит.

– Нет, не вижу. Я слепой. А где начался пожар?

– Ах, извините, я не заметил у вас тросточку, – ответил он и охотно пояснил. – Загорелось на втором этаже, там, говорят, находится физическая лаборатория. Мой сынишка ходит в эту школу. Он мне рассказывал, что их учитель по физике чудаковатый человек с большими странностями.

– А в чём выражается его чудаковатость?

– Ну, все говорят, что он помешан на науках, – заявил словоохотливый незнакомец, – и кроме своих наук ничем не занимается, ставит там у себя разные опыты. Говорят, что он даже ночует в школе, работая. Вот и доработался, устроил пожар. Сейчас его выгонят из школы, да ещё заставят всё отремонтировать за свои деньги. Это в начале-то учебного года. Вот что отчебучил. Но, как ни странно, детишки его любят. Мы живём здесь недалеко. Окна моей квартиры как раз выходят на школу. Сейчас мой оболтус стоит на балконе и радуется, что отменят занятия в школе. Знаете, что он мне заявил? Что учитель сделал правильно, устроив пожар. Занятий не будет, и летние каникулы продолжатся. Лоботряс. Ему бы всё бить баклуши, а не заниматься делом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.